

Книга издана
на народные средства

Давай ограничим банк

ЕЛИЗАВЕТА
БУТА

Елизавета Михайловна Бута

Давай ограбим банк

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54975492

Бута Елизавета. Давай ограбим банк: Алгоритм; Москва; 2017

ISBN 978-5-906914-83-5

Аннотация

А вам никогда не хотелось ограбить банк? Стать звездами интернета и самыми отчаянными психопатами мира? Пока они на вершине рейтингов, никто не вправе их арестовать. Эта история про двух сумасшедших, которые, оказавшись за чертой отчаяния, сумели покорить весь мир.

Любовь, месть, страх и ненависть – лучшее сочетание для хорошей книги. И знаете почему? Эти чувства всегда искренны.

Содержание

Пролог	5
1. Автобус Барселона – Берлин	7
2. Берлин. Центральный автовокзал	11
3. Ограбление по-немецки	16
4. Верена	38
5. Без шансов	81
6. Бункер	89
7. Побег	108
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Елизавета Бута

Давай ограбим банк

© Бута Е., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

*** * ***

Пролог

Тюрьма Хантсвилль. Штат Техас

Камера. Мотор. Поехали!

Оператор: А что снимать-то?

Режиссер: Издеваешься?

Оператор: Я же не спросил «кого», я спросил «что». Он смотрит в одну точку и ничего не делает.

Режиссер: Смертная казнь через несколько часов, что он, по-твоему, должен делать?

Оператор: Да ладно, это же Микки, выкрутится.

Режиссер: Не в этот раз.

Оператор: Все равно попытайся заставить его рассказать свою историю.

Режиссер: Легко сказать... Микки? Это твой последний шанс рассказать о Верене...

Микки

...Она ворвалась в мою жизнь три года назад. Натолкнулась на меня и сделала шаг назад. Я посторонился, давая ей возможность пройти.

Эта история началась с того шага. Все эти ограбления банков, безумные видеоролики, стрельба в аэропортах – все это

было намного позже.

Сейчас вокруг меня серые липкие стены и стул. Вокруг него провода. Ядовитый химический свет постепенно убивает мои глаза. Я здесь уже неделю. Семь дней и столько же ночей подряд я обдумывал то, что я должен буду сказать. Ну, знаете, перед электрическим стулом. Или смертельной инъекцией. Я как-то не уточнял. Не вижу смысла.

Вообще говоря, это странно. Процедура будет закрытой. Почему-то публичные казни вышли из моды. То есть спрос на них все так же высок, но правительство почему-то предпочитает держать народ в голодном напряжении. Смерть в прямом эфире будет иметь слишком высокие рейтинги. Страшно даже подумать про количество просмотров в интернете. Они сочли, что с меня хватит.

Так вот все будет происходить в пустой комнате. Передо мной обязательно будет глухое плексигласовое стекло, за которым будет стоять пара следователей. Они будут моими слушателями. Им я и скажу свои последние слова. Фишка в том, что они ни черта не рубят по-немецки, а по-английски я говорить не буду. Мое последнее слово никто не поймет. Это странно, правда? В этой речи не будет фразы «я признаю свою вину». Я виноват только в том, что еще жив, а она — нет. Ничего. Это скоро исправят.

1. Автобус Барселона – Берлин

Три года назад

Верена

– Вы куда-то едете или просто едете? – Мы не поняли вопроса, а это был чертовски хороший вопрос...

Это откуда-то из Керуака, которого я включила вместо музыки. Приблизительно 46-я минута. Мне повезло, еду на самом первом сидении и имею возможность смотреть в гигантское лобовое стекло водителя. В путешествиях ведь главное не конечный пункт следования, а вот это лобовое стекло, дорога и наушники.

Керуак, Кизи, Вулф, Томпсон, Лири¹... Все эти сумасшедшие писали не про меня. Они умели жить по-настоящему. Всегда восхищалась людьми, которые умеют жить так, что дрожат стены. Успокаивает только юриспруденция, которую я изучаю в колледже. Из ее истории я точно знаю, что обычно такие люди заканчивают либо в психиатрической больнице, либо в тюрьме. Так что, наверное, мне нужно радоваться тому, что у меня есть колледж, жених Анкель и чертова юриспруденция. То есть были.

Автобус разгоняется километров до ста в час, не меньше.

¹ Писатели-битники. Прославились в основном благодаря романам, в которых описывали свой образ жизни. А они, и правда, неплохо жили.

В наушниках заканчивается запись. От этой воцарившейся тишины, прерываемой лишь утробным гулом мотора, становится холодно и страшно. Почему-то мне всегда нужен какой-нибудь шум. Когда нет музыки, книги или кино, начинаю отвлекаться на мысли, а я от них вздрагиваю.

Все лобовое стекло водителя занимает идеально ровное полотно дороги с ярко-белой полосой разметки. На приборной панели есть только одно украшение. Статуэтка Ганеши, буддистского бога удачи, кажется. Точно помню, что этого слоненка, сидящего в позе лотоса, зовут Ганеша, но кто он и за что отвечает, не знаю. Скорее всего, ответственен за удачу, иначе какой смысл ставить его на приборную панель? Статуэтка тяжелая, выкрашенная под бронзу. Глаза этого слоника хитро прищурены. Интересно, кто из водителей увлекается буддизмом? Парень со змеями на руке или его напарник, худой и с блуждающим взглядом? Таких, как этот напарник, играл Джилленхолл в начале своей карьеры.

Через несколько часов я приеду в Берлин. Никогда не бывала в этом городе, но отныне это мой дом. Странно. Нет, не то, что я там никогда не была, а то, что появится дом. Это почти как начать все сначала. Только у меня ничего не получится. Я смотрю на то, как движется линия разметки, перерезающая надвое лобовое стекло водителя. Кроме этих белых штрихов практически ничего не видно.

Автобус въезжает на территорию какой-то автостанции. Смотрю на часы. По идее в Берлине мы должны быть только

через три часа. Парень со змеями на руке оборачивается и видит мой недоуменный взгляд.

– Через пятнадцать минут поедем, – говорит он.

Водитель – парень чуть старше меня на вид. Может, лет двадцать пять где-то. Короткая стрижка, темные волосы и выбритые виски. Над ушами что-то вроде волн или зигзагов. Неестественно белая кожа. На руке татуировка – клубок вьющихся змей. Выключаю плеер в телефоне, достаю сигареты и выхожу на улицу. Сонные люди тут же выстраиваются в очередь к выходу. Они перебрасываются какими-то фразами, отчего возникает ощущение гула. Вид у всех такой, будто зомби-апокалипсис уже наступил, а я и не заметила. Когда оказываюсь на улице, меня буквально сбивает с ног раскаленный воздух, кажется, без малейшей примеси кислорода. Даже не думала, что здесь может быть такая погода. Сейчас ночь, а на улице градусов тридцать жары.

– Держи, – говорит мне водитель. Оборачиваюсь и вижу, что он держит в руках два стаканчика с кофе из автомата. Я продолжаю непонимающе смотреть на кофе. Зачем? Какой в этом смысл, если мы больше не увидимся? Благодарно киваю и делаю глоток. Кофе вкусный, но горячий, а хочется хоть чего-то холодного.

– Он лучше от жары поможет, – поясняет он.

Водитель оказывается прав. Горький, крепкий кофе обжигает, но после первого же глотка я перестаю замечать эту удушливую жару.

– Откуда ты? – спрашиваю я. Кстати, коммуникабельность не самое мое сильное место.

– С чего этот вопрос? По-моему, у меня внешность истинного арийца, – отвечает он, оглядываясь куда-то назад.

– Да, но истинные арийцы не покупают кофе незнакомым девушкам, – хмыкаю я и невольно делаю шаг назад.

– У тебя слишком предвзятое отношение к Германии.

– То есть жадность немцам не свойственна? – спрашиваю я.

– Почему? Свойственна. Жадность свойственна тем, у кого есть деньги. А у меня их нет, – отвечает он.

2. Берлин. Центральный автовокзал

Микки

Кажется, что скоро воздух вот-вот начнет плавиться в моих руках. Я въезжаю на территорию берлинского автовокзала и открываю двери автобуса. Народ потихоньку начинает выбираться наружу.

Напарник, странный парень моего возраста. Представьте себе двадцатилетнего маньяка в очках. Вот именно так Ленц и выглядит. Знаете, люди стараются держаться подальше от таких. Когда он говорит, начинает задыхаться, поэтому предпочитает молчать. Взгляд то и дело блуждает где-то в космосе. Нет, он не курит и даже не пьет. Просто мутный тип.

– Ты поможешь с багажом? – спрашивает он, судорожно вздыхая в конце фразы. Вполне можно было бы списать на несостоявшийся зевок, если вы его не знали раньше.

– С чем? – спрашиваю я, с силой прижимая пальцы к переносице. Тупой жест, особенно если третьи сутки не спишь.

– Ладно, сам справлюсь, – машет рукой маньяк. Я с трудом поднимаюсь с водительского кресла и выползаю из автобуса. Вот здесь-то жара и придавливает меня к асфальту. Дышать реально трудно. Помню, когда мать нас с сестрой потащила

в Индию, была такая же погода. Когда вышли из аэропорта, мы с Бонни буквально согнулись от этого воздуха. Он был как расплавленное железо. Воздух как орудие пытки. Индия навсегда осталась в моей памяти синонимом ада. Судя по всему, дело не в Индии, дело в памяти.

Я хлопаю себя по карманам в поисках сигарет. Точно помню, что в пачке еще три оставалось, только где пачка-то?

– Держи, – тихо говорит девушка с рюкзаком. Та, которой я купил кофе пару часов назад. Просто хотел, чтобы она меня запомнила. Странное желание. Знаю. Сейчас она безучастно разглядывает то, как суетятся люди возле автобуса. Значит, кроме рюкзака у нее ничего с собой нет. Путешествует по Европе налегке. Не люблю путешественников. Я их не понимаю. Куда они едут и зачем?

– Спасибо, – говорю я по-английски и вытаскиваю пару сигарет. – Берлин конечный пункт, или дальше едешь?

– Конечный, наверное, – она растерянно кивает и оглядывается по сторонам. Кажется, что она не знает, зачем сюда приехала, и хочет обратно в автобус. Ей не нравится этот город. Мне тоже. У нас много общего.

– Если бы мог держаться на ногах, предложил бы показать тебе город, – говорю я.

– Не надо, я найду дорогу до Унтер-ден-Линден, – улыбается она. – Оригинальная татуировка, – она указывает на клубок змей на моей руке. Одна из первых работ Бонни. Она долго тренировалась на мне, прежде чем «перейти на насто-

ящих людей».

– Моя сестра художница, – зачем-то говорю я.

– Видимо, талантливая, – кивает она и отходит от меня. Так, будто боится. Меня часто люди опасаются. Не знаю почему.

Ленц вытаскивает последний чемодан из багажного отделения и с трудом закрывает двери.

– Он мне серийного убийцу напоминает, – как можно тише говорит она.

– Поверь, ты не оригинальна, – усмехаюсь я.

К нам подбегает маньяк-напарник. Девушка тут же вежливо отходит в сторону и начинает кому-то звонить. Воздух, на время отступивший от своего коварного плана по завоеванию Берлина, вновь начинает гореть и плавиться. Черт возьми, это Берлин, а не Индия. Почему здесь так жарко? Именно сейчас?

С напарником мы проходим в диспетчерскую и по очереди расписываемся в журнале. Потом подписываем пару бланков. Еще полчаса, и можно будет вздохнуть свободно. Я вспоминаю о сегодняшнем плане на день и непроизвольно морщусь. Так не должно было случиться.

– Как у тебя дела? – спрашивает женщина-диспетчер. Элен. Худая блондинка лет сорока с очень грустными глазами. Она внимательно изучает все квитанции, а потом пристально смотрит на меня.

– Все хорошо, – говорю я и поворачиваюсь к двери. За

деньгами нужно будет прийти вечером. Я получаю сдельно, за каждый рейс. То есть за два рейса сразу. Берлин – Барселона, Барселона – Берлин. Раньше в Варшаву ездил, но это короткие рейсы, за них меньше платят, а мне нужны деньги. Очень нужны.

За прожитые двадцать четыре года я умудрился окончательно испортить все, что только мог. Причем не сделал ничего плохого. Правда. Просто... Вообще, знаете, есть даже такая статья «преступное бездействие». Вот именно этот пункт, короче говоря. Бездействие, кстати, всегда преступно. Оно убивает. Медленно так съедает жизнь. Вполне может считаться особо жестоким методом убийства. В моем случае так уж точно.

Выхожу с территории автовокзала и пытаюсь вздохнуть полной грудью. Ну, вроде как заключенный на свободу выходит. В легкие попадает пыль, гарь, все что угодно, но только не кислород. Часы показывают пять тридцать утра. К Бонни ехать еще рано. До дома добираться полтора часа. До того места, что стало мне служить ночлегом. Так будет точнее. Я его называю Бункером. По сути, там, наверное, действительно можно было бы укрыться от какой-нибудь небольшой бомбы. Полтора часа слишком долго. К тому же, если упаду на кровать, тут же усну, а там неизвестно, во сколько проснусь. Не успею к Бонни, а она будет ждать.

Я с сожалением смотрю на удаляющуюся от меня фигуру девушки с рюкзаком. Смотрю на то, как она машет рукой

идущему навстречу парню. Он пытается обнять ее. Она застывает на месте, но парень все-таки сгребает ее в охапку. Она все время ведет себя так, будто ей страшно, будто она растерянная маленькая девочка в незнакомом городе.

Когда встречаешь ту самую девушку, жизнь меняется. Она разламывается надвое. У меня нет времени менять свою жизнь, я спешу к Бонни.

3. Ограбление по-немецки

Верена

Анкель – мой жених, юрист в больнице отца. Последний, кого он напоминает, лысый и несчастный еврей-юрист из сериала «Клиника». И все равно, когда я думаю о его работе, вспоминаю этого персонажа. Вообще говоря, Анкель – глянцево красивый парень с накачанным торсом и вселенским презрением во взгляде.

– У тебя очень красивые глаза, – говорит он и заводит машину.

– Ты мне это каждый день говоришь, – отвечаю я, но все равно улыбаюсь.

– Они у тебя каждый день разные. Впервые вижу человека, у которого цвет глаз меняется чуть ли не каждую минуту.

– Они зеленые, – отвечаю я.

– Да, но иногда карие, серые и даже синие. Ты ж моя невеста, я все о тебе знаю.

– Вот не надо врать, у меня никогда глаза серыми не становятся. Терпеть не могу этот цвет, – в шутку протестую я.

Если у девушки каждый день меняется цвет глаз, значит у нее есть набор цветных линз Magic eyes. Отличная вещь. У меня действительно каждый день новый цвет глаз. В зависимости от настроения. Чаще всего зеленые. Поэтому Ан-

кель считает, что они зеленые.

Он отвозит меня в квартиру отца. Здесь я оставляю ненужные вещи, принимаю душ, переодеваюсь и придирчиво разглядываю себя в зеркале. К встрече с отцом готова. Наверное. То есть возможно.

– Может, перенесем встречу с отцом на вечер?

– Завтрашнего дня? – спрашивает Анкель.

– Это было бы идеально.

– То есть ночевать ты будешь у меня, а не здесь?

– С чего бы это?

– Просто твой отец обычно ночует дома. Он будет немного удивлен, если обнаружит спящую в гостиной дочь, которую не видел полтора года и которая с ним даже не поздоровалась.

Анкель настаивает на том, чтобы мы сделали селфи, и тут же выкладывает его в Инстаграм. Идиллическое фото с фешенебельным немецким домом на заднем плане. Садимся в машину и едем с больницю к отцу. Уже на подъезде к воротам клиники слышу мелодию своего звонка. Hello, I love you. Tell me your name. The Doors. Сбрасываю звонок.

В больнице оказывается, что отец слишком занят сейчас. Он удивляется при виде меня. Неуклюже обнимает и просит поклоняться пока по больнице. Предлагаю ему перенести торжественную встречу на завтра. Он соглашается. Кажется, что мы оба испытываем облегчение от этого.

Устраиваемся с Анкелем на лавочке возле больницы и

разглядываем прохожих. За ними интересно наблюдать, потому что мой будущий муж знает все и обо всех. В больнице это означает исчерпывающую информацию о том, когда у тебя были прыщи, вши и геморрой. В случае Анкеля, он еще знает, во сколько обошлось человеку лечение по страховке.

Я достаю из пачки сигарету и с опаской оглядываюсь на пожилую даму, которая уже успела брезгливо скривиться. Тут я вижу идущую от ее рук дымящуюся струйку. Недоуменно присматриваюсь и понимаю, что презрение на ее лице относится к Анкелю, а не к сигарете. Ну, здесь я ничего не могу поделать. Его же нельзя назад в сумочку запихнуть. К тому же не понимаю, что ей в нем не понравилось.

– Тебе нужно бросить курить, – задумчиво говорит Анкель, аккуратно вынимая у меня из рук сигарету.

– Зачем? – задаю я самый логичный вопрос в мире.

– Будешь в старости как та бабка смолить на лавочке, – кривится Анкель.

– А что плохого?

– Тебе еще детей рожать, – глубокомысленно заявляет он, медленно вытягивая из моих рук сумку с пачкой сигарет.

– Отдай мою сигарету, – протестую я.

– Ты моя невеста, поэтому... – Я успеваю выхватить из сумки пачку и закуриваю новую сигарету. Анкель остается держать в руках мою сумку.

– Убивает не курение, убивает жизнь, – говорю я и нагло затягиваюсь сигаретой.

– Таких фразочек можно придумать тысячу и одну. Сигареты все равно будут сокращать твою жизнь. Медленно и неотвратно, – говорит Анкель.

Я с интересом смотрю на тлеющую у меня в руках сигарету. Будто в ответ на мой взгляд край подоженной бумаги загорается красным, а скопившийся пепел неосторожно падает на асфальт и разлетается на тысячи мелких пылинок. Когда стоит такая жара, все постепенно превращается в пыль. Сам воздух, кажется, приобретает консистенцию пыли.

Только сейчас я окончательно понимаю, что приехала в Берлин. Не такой уж и противный город. Признаем честно. Вокруг полно красивых высотных зданий, все строго, правильно и со вкусом. Мне никогда не нравились все эти кукольно-открыточные немецкие городки, но Берлин не имеет с ними ничего общего. Это большой, немного громоздкий город.

– Ну что, идем отмечать возвращение Верены Вибек? – спрашивает Анкель. – Если мы в тот бар, то мне нужно снять наличные, – добавляет он. Как будто я знаю, что за бар он имеет в виду.

– Знаешь, мы в любом случае пойдем «в тот» бар, а не в этот.

– «В этот» – это в какой? – не понимает Анкель.

– Который не тот, – продолжаю я нести чушь, но вижу, что Анкель уже немного «завис» и спрашиваю. – Откуда я знаю, какой бар ты имеешь в виду, я несколько часов как приехала.

Там что, не принимают карты?

– Там вообще ни черта не принимают, – загадочно протягивает он.

Мы поднимаемся и оглядываемся по сторонам. Я тут же вижу мигающие буквы «АТМ» и указываю на них. Анкель морщится, как будто я предложила какую-то глупость, и поясняет, что этот не подходит. Старушка на соседней лавочке продолжает брезгливо на нас поглядывать.

Анкель видит вывеску с логотипом нужного банка. Он расположен через дорогу от больницы. С сожалением выбрасываю сигарету и плетусь вслед за ним.

– Ты могла бы подождать на лавочке, – бормочет он.

– Размечтался. Там кондиционер.

Когда мы уже заходим в разъехавшиеся перед нами двери, нас обдает спасительной прохладой кондиционера. Через минуту здесь становится холодно, а через две я покрываюсь мурашками, но мысль об удушающей жаре на улице заставляет меня терпеть холод и даже радоваться ему.

Я иду в очередь к соседнему банкомату. Здесь очень много народу. Этот банк славится своим лояльным отношением к кредитам на лечение. Мне отец рассказывал. То есть отношение у банка самое обычное, но благодаря этой своей рекламе лояльности он получил почти полное освобождение от налогов. На рекламу лояльности к кредитам ушло такое дикое количество денег, что ставки по ним пришлось повысить. Впрочем, если бы ставка была 100 % в месяц, у специ-

алистов по кредитам все равно не было бы недостатка в клиентах. Здесь продают надежду на жизнь. Шанс на выигрыш. Это дорогого стоит.

Каждая жизнь имеет свою цену. Если по-честному и без излишнего пафоса. Здесь все дело в лотерее. Надежда на жизнь бесценна. Семьи безнадежно больных берут кредит на лечение намного реже, чем те, чей шанс на выигрыш один к миллиону.

Владелец этого банка – друг отца. Он каждые выходные к нам приходил, когда я в школе училась. Обычный такой мужчина лет сорока, немного пересмотревший, правда, фильмов про мафию. Он фанат очень дорогих костюмов и часов. Когда я уехала учиться в колледж, он стал носить шляпы. Есть подозрение, что сейчас он уже курит сигары и завел пару леопардов, которых поселил в подвале.

Очередь к банкомату состоит из трех человек, но кажется, что я стою в ней целую вечность. Сейчас снимает деньги пожилой мужчина на пороге пенсии. Судя по скорости нажатия на кнопки, он делает это впервые. Передо мной в очереди еще женщина с собачкой в руках и девушка в коротком белом сарафане. Чтобы как-то отвлечься от ненависти к человеку, который сейчас снимает деньги с карточки, оглядываюсь по сторонам.

Здесь очень гнетущая атмосфера. Сотрудники банка тут, наверное, особенно циничны. Каждый день они приходят на работу. Выпивают чашку кофе. Смеются над какой-нибудь

забавной картинкой в Инстаграме и садятся на свое рабочее место: «Здравствуйте. У вас умирает дочь, но ежемесячный доход ниже 15 тысяч евро в месяц? Простите, но мы не можем вам помочь. Да мне все равно, что вы готовы продать свою почку. Нам она без надобности. Всего хорошего». И так они говорят по десять часов в день.

Желая найти подтверждение своим мыслям, начинаю прислушиваться к разговору за перегородкой. Голос одного кажется знакомым.

– ... Простите, но мы не можем вам помочь, – выносит страшный вердикт менеджер по кредитам.

– То есть как не можете? – взрывается парень за перегородкой.

– Послушайте, – слышу уставший и совсем не циничный голос менеджера, – по бумагам вы не являетесь опекуном или официальным представителем. Поэтому, даже если бы ваш доход позволял вам кредит, его бы не оформили. Но...

– От твоей закорючки на бумажке зависит жизнь человека, ты хоть это понимаешь? – шипит парень.

– Послушайте, это мой последний день. Я здесь уже три года работаю. В гробу я видал это место. Если хотите, подпишу любые бумаги, но кредит все равно не одобряют. Да и... Судя по этим документам, шансов нет, а вам придется всю жизнь с долгами расплачиваться.

– Это не твои проблемы, – шипит парень. Особенно медлительный мужчина перед банкоматом наконец умудряется

разобраться с техникой, раздаётся звук печатающегося чека, и на место мужчины встает женщина с тщедушной собачкой в руках. Я буквально слышу напряженное дыхание менеджера за перегородкой. Тут в дверь входят двое людей в форме инкассации. Они здороваются с менеджерами в зале и проходят куда-то вглубь помещения. Наверное, они должны подписать какие-нибудь листы отчетности. Это явление инкассации народу прибавляет смелости менеджеру.

– Видишь ручку? Видишь бумажку? Штамп? Ок, смотри. Я подписываю, ставлю штамп и рекомендую тебе кредит. Доволен?

– Доволен, – выдыхает собеседник. В его голосе слышатся облегчение, смешанное с недоверием.

– А теперь идите в шестое окно, вас там все равно завернут, но, по крайней мере, не я буду виноват в этой смерти.

Менеджер шумно выдыхает, отодвигает стул и выходит из-за перегородки. На бейджике значится его имя. «Эндрю». Симпатичный парень в очках без оправы. Он явно их носит не для улучшения зрения, а для создания образа. Очки всегда делают человека умнее и старше. Лоб его блестит от пота. Руки подрагивают. Он проходит мимо меня, вжав плечи, и выходит на улицу. Стоя прямо рядом со входом, он закуривает сигарету. По закону там смолить нельзя. Похоже, последний день на этой должности у него выдался не из легких.

В этот момент раздаётся выстрел. Пуля разбивает камеру в углу зала. Осколки вместе с кусками штукатурки и гипсо-

картона падают на пол. Белесая пыль заполняет все вокруг.

– Всем лежать! – слышу крик. Это парень за перегородкой. Тот самый, что купил мне кофе. Водитель автобуса.

Люди, один за другим, начинают опускаться на пол. Бро-саю взгляд на Анкеля. Тот поднимает руки за голову и заво-роженно смотрит на происходящее в зале. Обзор мне заго-раживают банкомат и перегородка, отделяющая меня от ра-бочего места менеджера по кредитам. Видимо, Анкель видит нечто такое, что заставляет его тут же лечь на пол. Оборачиваюсь на выход. Эндрю, менеджера по кредитам, который только что вышел покурить, там нет. Женщина с собачкой в руках медленно опускается на пол. Животное скулит и ска-лится. Девушка в белом сарафане тоже не видит того, что происходит за перегородкой. Она оборачивается на меня и одними губами спрашивает:

– Что мне делать?

– Не знаю, – также беззвучно отвечаю я. В этот момент парень с пистолетом поворачивается в сторону выхода, и я начинаю медленно опускаться на пол. Девушка в сарафане следует моему примеру.

Кажется, что мы все стали участниками съемок боевика. Вопрос лишь в том, хорошее это кино или плохое. Выгоднее, чтобы хорошее. В дешевых боевиках обычно слишком много бутафорской крови.

Водитель автобуса продолжает творить беспредел в зале банковского отделения. Видно, что он не готовил это напа-

дение. Я заворуженно наблюдаю за ним. Парень с оледеневшим отчаянием в глазах.

– Сумку сюда! – кричит водитель автобуса мужчинам в черной форме инкассации.

Один из них тут же выпускает из рук сумку и поднимает руки вверх. Второй медлит. Вообще говоря, это не сумка, а ящик. Черный металлический кейс с кодовым замком и ребристой поверхностью в районе ручки. Вроде как вентиляция, что ли. Хотя вряд ли деньги нужно проветривать.

Теперь ящик держит только один инкассатор. Мужчина так напуган, что забыл, как разжимать пальцы. На нем кобура и форма с бронежилетом в придачу. Он проходил специальное обучение на случай возникновения таких ситуаций. Не знаю, чему там учат, но совершенно точно там не рекомендуют отдавать деньги и оружие по первому требованию.

Слышу звуки приближающейся полицейской сирены.

Второй инкассатор делает неосторожный шаг вперед, чтобы защитить сумку с деньгами. Раздается еще один выстрел. Затем еще один. Звук сирены заполняет все пространство. Я вижу, как ко входу приближается машина. Слышу сдавленное хрипение человека, в которого попала пуля.

Водитель автобуса смотрит на место, в которое попала первая пуля. Раньше там была камера слежения. Сейчас – просто гигантская дыра в стене и дырка в подвесном потолке. Пыль от штукатурки до сих пор не осела. Он не знает, что делать дальше. В руках у него ящик с деньгами, но выйти с

ними он сейчас уже не сможет. Перед входом полицейская машина. Возможно, он ее не видел, но уж звук сирены точно услышал.

Он проходит пару шагов, и его ботинки оказываются в сантиметре от головы девушки в сарафане.

– Встань, – почти спокойно говорит он девушке. Ту душат беззвучные рыдания. Она начинает медленно подниматься с пола. Девушка не успевает выпрямиться, как водитель автобуса хватает ее за волосы и приставляет пистолет к шее.

– Пойдешь вместе со мной, поняла? – спрашивает он.

Девушка мотает головой и беззвучно плачет. Глазами она ищет хоть какой-нибудь поддержки, но никто не решается поднять голову. Она натывается взглядом на меня. Становится не по себе. Кажется, что сейчас ее жизнь зависит от меня.

– Стой! – кричу я, не особенно понимая, что собираюсь сделать дальше.

– Что ты сказала? – взрывается водитель автобуса.

– Меняю себя на нее, – говорю я и начинаю медленно подниматься с пола.

– Верена, нет, что ты делаешь? – шипит Анкель.

– Меняю себя на нее, – повторяю я. Руки держу за головой. Так в боевиках обычно люди себя ведут. Вместо громкого голоса у меня получается что-то наподобие шепота с примесью хрипа. Вы, наверное, хотите спросить, почему вдруг мой инстинкт самосохранения впал в такую глубокую кому? Мне

вот тоже интересно. Может, мне просто расхотелось жить? Или ну очень страшит разговор с отцом? Поверьте, это намного страшнее какого-то сумасшедшего с пистолетом. К тому же, он ничего плохого не сделает. Он ведь купил мне кофе. Просто так, понимаете?

Парень презрительно отбрасывает девушку и присаживается на корточки. Заглядывает в глаза. Повсюду запах дыма и гари. Все вокруг в белесой пыли штукатурки.

– Уходим, – повторяет он. Он узнал меня. Его тон изменился. Стал каким-то более человеческим, что ли. – А ты что застыла? Ложись на пол и руки за головой держи, – обращается он к девушке в сарафане. Та начинает слишком быстро кивать головой.

Он одним движением поднимает меня на ноги. Перед глазами появляется сюрреалистичная картина: человек десять распластаны по полу. Пожилая женщина в строгом брючном костюме скулит возле стены. Парень и девушка из числа сотрудников банка рядом с ней. Они романтично взялись за руки. Спина девушки то и дело нервно вздрагивает. Возле другой стены сидят мужчина и женщина, лет тридцати. Они с ужасом смотрят на меня. Левее от них распластались мужчина восточного вида с мальчиком-подростком.

– Микки, – тихо говорит водитель автобуса.

– Что? – не понимаю я.

– Меня зовут Микки, – поясняет тот.

Оборачиваюсь и смотрю на него. Самый обычный парень

с очень перепуганным лицом и смешным детским именем. Микки переступает через кого-то и оказывается слишком близко ко мне. Смотрю на человека, через которого сейчас перешагнул Микки. Это бородатый парень в светлых драных джинсах. На нем они смотрятся комично. Одна штанина перепачкана чем-то ярко-красным, и только в этот момент замечаю лежащего на полу инкассатора. В метре от меня. По нему не скажешь, жив он или мертв. А это красное пятно... Наконец, мозг фиксирует то, чего отчаянно не хотел замечать.

Посреди отделения банка в луже крови лежит огромная фигура одного из инкассаторов. Возле одной из стоек менеджеров сидит другой перевозчик денег. Без оружия. Мужчина часто дышит и судорожно сжимает горло. Его ладони в крови. Он хрипит, пытаюсь что-то сказать.

Микки прижимает меня к себе и держит за шею. Я вроде как его живой щит. Он медленно переступает через нагромождение тел, распластанных перед ним. Я натыкаюсь на каждого, включая труп инкассатора.

– Там полиция. Ты не сможешь уйти, – говорю я сдавленным голосом. Рука парня крепче сжимает горло.

– Ты ведь понимаешь, что я очень нервный, правда? – спрашивает он. Ответить я не могу.

В очередной раз спотыкаюсь о чью-то руку. Он воспринимает это как попытку к бегству и пихает меня в спину. Тут Микки видит семейную пару возле стены и направляет ору-

жие на них.

– Зачем сюда пришел? – вполне миролюбиво спрашивает он у мужчины.

– За д-деньгами, – заикаясь, выдавливает тот.

– Надо же, я тоже, – хмыкает он. – И она тоже за деньгами. Цели только разные. Вот тебе зачем деньги? – Последняя фраза относится ко мне. Я понимаю это по толчку в спину.

– В бар сходить, – говорю я, ожидая вспышки ярости.

– А мне сестре операцию сделать. Такие вот разные мотивы, – вполне миролюбиво отзывается он.

– Мы машину хотим купить. Белую, – отвечает женщина.

– Придурки! – Микки с силой пинает мужчину и поворачивается. Я чувствую, как он высматривает следующую жертву.

Вся эта картинка настолько нереальна, что память буквально по кадрам старается запечатлеть происходящее. Мне не жалко этого инкассатора в луже крови. Не страшно. Кажется, что я персонаж компьютерной игры. Главное, сделать правильный ход, а все эти фигурки все сделают как надо. Их роли уже прописали разработчики.

– Ты? – спрашивает он, пиная мужчину, лежащего рядом с парой.

– Кредит, – отвечает тот с диким восточным акцентом.

– На что кредит? – Он явно теряет терпение.

– Операция для жены, – поясняет мужчина, смело поворачивая к нам голову.

– Это уже интереснее, – кивает водитель автобуса.

В этот момент раздается усиленный динамиком голос кого-то из полицейских.

– И как кредит? Одобрили? – не обращая ни на кого внимания, интересуется он. Кажется, что он ведет светскую беседу. Мужчина едва заметно качает головой.

– А зря, – пожимает плечами тот. – Как тебя звать?

– Али, – отвечает тот.

– Так вот, Али. Ты ведь хочешь увидеть свою жену? Прожить с ней долго и счастливо? Верно? Ты ведь на все пойдешь ради этого?

Али кивает.

– Круто. Тебе повезло, – усмехается Микки.

– Настоятельно рекомендуем вам сдать! В этом случае вам будет обеспечена максимально возможная поддержка. Мы понимаем, что это крайняя мера... – доносится голос полицейского. Из-за усилителя громкости даже слова разобрать очень сложно, не то что прислушаться. – ... Мы даем вам пять минут на принятие решения...

Микки в считанные секунды отбирает у мальчика рядом с Али рюкзак и начинает заталкивать туда пачки денег. Штук шесть. Я столько денег только у отца однажды видела. Он вкладывает в руку Али свой пистолет и приказывает подняться. Несчастный мужчина едва держится на ногах. Кажется, что если ему сейчас приказать пристрелить всех здесь присутствующих, он послушается. Микки подходит к рас-

пластавшемуся на полу инкассатору и берет его оружие.

– Али, ты в лотерею выиграл, знаешь об этом? – спрашивает он. Али мотает головой и с ужасом косится на сына.

– Если сейчас все сделаешь правильно, у тебя будут жена и сын, а если нет, то не будет обоих, ясно? – спрашивает водитель автобуса. Али кивает. – Вот и отлично. Сейчас ты выходишь с поднятыми вверх руками. Тебя арестовывают и увозят, а нас всех, заложников, освобождают. Включая твоего сына с рюкзаком и деньгами. А ты не произносишь ни звука до момента приезда в отделение, понял?

Али согласно кивает. Парень подталкивает его к выходу. Тот не хочет оставлять сына, но все-таки подчиняется. Водитель автобуса встает возле стены рядом со входом. Меня он рывком прижимает к себе. Теперь я могу видеть узкую полосу улицы перед входом в банк. Али стоит перед дверями. Руки подняты вверх. В одной из них он сжимает пистолет. Я вижу, как его коленка рефлекторно сокращается.

– На счет три, – кричит ему Микки. – Три!

Парень буквально вышвыривает Али на улицу и вновь встает к стене.

– Транслируй происходящее, – командует он.

– Что?

– Где сейчас руки Али? – спрашивает он, нервно выдыхая и наставляя на меня пистолет.

– Наверху, – отвечаю я охрипшим голосом. Али в этот момент стоит перед полицейскими. – Он медленно приседает

и кладет пистолет на асфальт.

– Это хорошо. Как у тебя с логикой? – спрашивает он.

– Не очень, – честно отвечаю я.

– Тогда следи за ходом мысли. Я хочу спасти свою сестру.

Если меня сейчас арестуют, то она умрет. А если она умрет, то мне будет нечего терять. Так вот вопрос, кого я убью в этом случае?

– Всех, – отвечаю я.

– В целом верно, но первой я застрелю тебя и твоего не слишком смелого друга, – кивает он в сторону Анкеля. – Поняла?

– Да, – отвечаю я.

Смешно, но я только сейчас вспоминаю про Анкеля. Тот лежит с прижатыми к голове руками. Он смотрит на труп инкассатора в центре зала. Почему-то именно сейчас становится по-настоящему страшно. Это не кино. Здесь не прописаны роли. Я непроизвольно вздрагиваю, и водитель автобуса до боли сжимает мое запястье.

Боковым зрением замечаю, что к Али уже подошли полицейские. Говорю об этом.

– Готова? – интересуется Микки. Я пытаюсь кивнуть, но получается странное движение головой, означающее что-то вроде «да нет, наверное».

– Так, без паники. Все свободны. Мы схватили этого ублюдка, – раздаётся бодрый голос полицейского. Здоровенный мужик в бронежилете и прозрачной маске первым захо-

дит внутрь. Замечаю, как все начинают на нас коситься, но в этот момент Микки уже выпихивает меня на улицу. Там слишком светло. Сейчас где-то шесть вечера. Солнце уже скрылось, оставив после себя отвратительно жаркое марево. И все равно сейчас слишком светло. Глаза начинают слезиться.

– Как вы, ребята, с вами все в порядке? – К нам навстречу бежит молодой человек в обычной форме полицейского, безо всяких бронежилетов, но с очень перепуганным лицом.

Микки смотрит на меня, приседает и берет на руки.

– Все нормально, – говорит он.

– Что с девушкой? – с подозрением косится на меня полицейский. Если я сейчас заорю, то Микки выстрелит. Не убьет, но покалечит. А если я буду молчать? Он отпустит меня? Или прибьет где-нибудь в подворотне?

– Он ударил ее, – поясняет Микки. – Парень настоящий зверь.

– Да, мне так жаль... – бормочет полицейский.

В этот момент в моем кармане начинает играть мелодия звонка. «Hello. I love you. Tell me your name»... Она так не соответствует ситуации, что буквально разрезает атмосферу.

– Это кто это тебе звонит, детка? – с холодной яростью в голосе спрашивает Микки. Воздух так наэлектризован, что кажется, сейчас я увижу искры.

– Ладно, пойду остальным помогу, – бормочет полицей-

ский, желая побыстрее оставить нас наедине. На его лице буквально написано: «Милые бранятся, только тешатся».

– Ребят, а он с вами? – окликает нас полицейский, указывая на сына Али.

– С нами, – кивает Микки и панибратски хлопает подростка по спине. – Ганс, ко мне.

Мальчик повинуется и догоняет нас.

– Я тебе не собака, – шипит парень ему.

– Готов поспорить, что ты даже не Ганс, – шипит в ответ Микки. – У тебя есть машина? – этот вопрос адресован ко мне.

– Нет. Только у Анкеля, – отвечаю я.

– Того парня? Черт...

– У меня есть ключи от машины отца, – говорит мальчик.

Микки ставит меня на землю. Я тут же поворачиваюсь, чтобы побежать к полицейским, но парень быстро заламывает мне руку. Замечаю подозрительный взгляд заботливого полицейского. Заметив меня, он стыдливо отворачивается. Ну конечно, сама виновата. Ненавижу The Doors. И Моррисона ненавижу. Последний шанс. Я пытаюсь заорать.

– Помо... – Микки зажимает мне рот. Ненавижу Моррисона. Если бы не он...

Сын Али протягивает брелок с болтающимся значком «Мерседес». Микки выхватывает у него ключи.

– Считай, что мы взяли ее напрокат, – бросает он.

– Да считайте, что купили ее, – хмыкает мальчик, поправ-

ля лямку рюкзака.

– Которая? – спрашивает Микки. Мальчик указывает на старенький «Форд» допотопного года издания.

– На нем погони не устроить, – предупреждает мальчик.

– Кто тебе сказал? Ты «Гарри Поттера» читал? – спрашивает Микки.

– Не, я сказки не люблю, – хмыкает сын Али. Микки убирает ладонь от моего рта.

– А зря... – закашливаюсь я. Кажется, запах его липких, грязных ладоней будет преследовать меня до конца жизни. Микки поворачивается ко мне и хмыкает. Сын Али наблюдает за тем, как старенький «форд» трогается с места. Вдалеке вижу Анкеля, который о чем-то говорит с полицейскими.

Машина отчаянно фыркает, но заводится, и отделение банка вскоре скрывается из вида. Спустя минут десять я решаюсь сказать:

– Послушай, ты же уже сбежал, я тебе больше не нужна, высади меня где-нибудь, я ничего никому не скажу... – Уже договаривая фразу, понимаю, что меня никто высаживать не собирается. Микки загнуто смотрит на меня, но тут у него начинает звонить телефон. Он тут же вздрагивает, как от удара током.

– Да, – он зажимает мне рот рукой и сосредоточенно слушает то, что сейчас ему говорят. – Да, я решил. Готовьте ее к операции. Нет, вы не поняли. Я решил, и вы готовите ее.

Сегодня в пригороде Берлина было совершено

беспрецедентное по своей дерзости ограбление банка. Преступнику удалось с помощью одного пистолета нейтрализовать двух инкассаторов, охрану и всех посетителей отделения банка. Добычей преступника стала сравнительно небольшая сумма в триста тысяч евро. Беспрецедентность преступления заключается в том, что, несмотря на усилия полиции, грабителю удалось скрыться благодаря остроумному трюку. Преступник заставил одного из посетителей притвориться грабителем и сдать властям. Тем временем настоящий злоумышленник, назвавший себя Микки, скрылся, взяв в заложницы дочь главного врача больницы, хирурга с мировым именем Матеуша Вибека...

За окном уже минут двадцать как город сменился лесом. Микки продолжает тупо пялиться на дорогу. Он так крепко сжимает руль, что кажется, от этого зависит его жизнь. Кондиционер не работает. По его тонкой белой коже стекают капли пота. Не знаю почему, но мне становится его жалко.

– Так ты дочь главврача? – спрашивает Микки. Оказывается, он слушал радио. По его виду было непонятно, слышит он сейчас хоть что-нибудь или нет.

– Дочь, – утвердительно киваю я.

– Иногда даже мне везет, – усмехается он.

– Не поняла.

– Теперь Бонни точно сделают операцию. Пока ты у меня, они будут пытаться спасти ей жизнь.

– Бонни – пациентка больницы отца? – спрашиваю я. Микки кивает. – Отец за всех пациентов одинаково борется.

– Если бы так было, я бы не грабил банк. Даже банка этого там бы не было, – мрачно говорит он.

Он не собирается меня отпускать. Ни сейчас, ни когда-либо. Я ему буду нужна, пока жива его сестра. А потом он меня убьет. Что я наделала? Что я наделала...

4. Верена

Верена

Прошло несколько часов с того момента, как захлопнулась крышка бункера. Я знала, что это произойдет. Еще в тот самый момент, когда села в автобус, знала. В свой самый первый автобус, полтора года назад. Тут нет часов, поэтому сложно сказать, сколько прошло времени с того момента, как послышался этот страшный стук крышки ящика. В конце концов, любая жизнь рано или поздно заканчивается этим звуком. Вопрос лишь в том, что ты потом будешь вспоминать. Лично мне – нечего. Этот звук раздался слишком рано. Хотя, наверное, все так думают, независимо от возраста.

Несколько часов назад у меня были жених и отличные перспективы на будущее. Еще двенадцать часов назад я ехала из Барселоны в Берлин, слушала Керуака и думала о том, как пуста и тщетна моя жизнь. Верните мне мою пустую, тщетную, никчемную, самую лучшую в мире жизнь! Она меня вполне устраивает.

Здесь очень холодно и темно. Я зажмуриваюсь – и калейдоскоп событий последних нескольких часов вновь предстанет перед глазами. Когда меня запихнули в машину, я почему-то подумала, что это очень дешевый боевик. Такой, знаете, треш-комедия про зомби. Люблю такое кино. Еще рань-

ше любила кино про маньяков. Больше не люблю. Верните мне мою жизнь! Пожалуйста...

Медленно вдыхаю ледяной воздух. Однажды, когда я только поступила в колледж, мне сказали: если не знаешь, что делать, улыбайся. Это всегда раздражает. Я долго следовала этому совету, он реально помогал. А потом я перестала улыбаться. Вообще. Ну, знаете, чтобы никого не раздражать.

Вы меня ненавидите, правда? По крайней мере надеюсь на это. Если пока нет, краткое резюме для справки: Верена Вибек. 20 лет. Родилась в маленьком польском городке Гданьск. Это такое солнечное и безмятежное местечко на отшибе Польши. Там есть море, набережная, толстые тетушки за прилавками магазинов, огромные порции еды в кафе, уютные двухэтажные домики с треугольными крышами. Три года назад уехала учиться в Штаты. Отец мечтал, что пойду на врача, но я выбрала юриспруденцию. Вот такая смелая. Естественно, родители поддержали меня в выборе. А как иначе. Это же моя жизнь. Они обязаны поддерживать во всех начинаниях свою единственную дочь. Конечно, не настолько, чтобы позволить мне пойти на режиссера или изучать никчемные искусства, но для юриспруденции они были вполне готовы. Ах, ну да, напомним: я дочь вполне себе обеспеченных родителей. Отец у меня всемирно известный врач. Женит — Анкель, подающий надежды юрист из Польши.

А теперь? Я всегда слишком сильно любила то чувство, когда осознаешь, что абсолютно все в комнате тебе завидуют.

Это рождение ненависти, оно так воодушевляло и заставляло улыбаться.

На самом деле у меня всего этого нет. Ни университета, ни долбаной юриспруденции, ни даже уютного маленького городка с толстыми тетушками. Гданьск стоит себе на месте, но там больше нет никого, кто бы обрадовался моему приезду. Да и вообще таких людей в мире немного. Анкель? Я с ним познакомилась сегодня утром.

Страсть к зависти имеет небольшой побочный эффект. Если ты всегда впереди, рано или поздно тебе дадут пинок под зад, и ты покатишься в пропасть. Те, кто впереди, почему-то всегда стоят перед пропастью. Не знаю, почему так. Видимо, закон жизни. Так интереснее, что ли.

Когда мне исполнилось семнадцать, я приехала в Массачусетс. Штат, в котором нет, похоже, ни одного коренного американца. Я не про индейцев, а про тех, кто родился в этой благословенной стране. Хотя я и здесь отличилась. Нашла такого.

Все начинается хорошо. Нас селят в общежитие в студенческом городке. Здесь несколько корпусов. Мальчики и девочки в разных блоках. До университета минут десять пешком мимо зеленых лужаек, административных корпусов с одной стороны и небольших престижных коттеджей – с другой. Поначалу я даже расстраиваюсь, так как больше всего мне хочется ощутить все прелести студенческой жизни. На деле же оказывается, что нужно вкалывать за троих. Плюс

к тому сильно напрягает невозможность поговорить на родном языке. Или хоть на каком-нибудь, кроме английского. Я согласна на сербский, хотя никогда его не знала. Он похож на польский, но это только так считается. Лично я понимаю примерно каждое восьмое слово, да и то если разговаривают со мной очень медленно и простыми предложениями с применением жестов. Подозреваю, что по этой методике и японский пойму.

Еще сложно привыкнуть к главному правилу обучения – никогда не списывать и ничего не гуглить. Вернее, никогда не признаваться ни в первом, ни во втором. Даже под пытками на электрическом стуле, а особенно в разговорах с друзьями. Преподаватели еще могут тебя пожалеть, а вот сослуживцы – никогда. Ты их потенциальный конкурент. Ты метишь на их рабочее место. На их стажировку. Конечно, не все такие извращенцы. Но ты никогда не знаешь, кто из твоих друзей тебя ненавидит.

Собственно, именно незнание этого непреложного правила и знакомит меня с Джереми.

Поначалу учеба дается с большим трудом. День за днем вместо веселья и вечеринок я провожу время за домашними заданиями. Впрочем, сама того не замечаю, как времени на выполнение этих заданий у меня уходит все меньше. Странного вида девочка-хиппи, с которой меня поначалу поселили, уезжает в «большое путешествие длиной в вечность». Вместе с ней испаряются ее сомнительные друзья с

мутными глазами, цветные тряпки и восточные символы на всем, включая туалетную бумагу. Мы с ней не особенно ладили, но когда она уезжает, начинает ее не хватать. Всех этих мантр по вечерам, ковриков для йоги, благовоний и Джима Моррисона. Не знаю, чем творчество The Doors связано со всем этим хиппи-бредом, но соседка его обожала. Постепенно мне тоже стал нравиться Моррисон.

Уже на следующий день после ее отъезда в дверь стучится Зои. Блондинка с торчащими в разные стороны волосами. У нее прическа похожа на очень старый клоунский парик. Зои учится на том же курсе в соседней группе.

– Куда ты ходишь развлекаться? – спрашивает она минут через двадцать после знакомства.

– Да никуда. Только пару раз с ребятами в бар напротив ходила, – пожимаю я плечами.

Она тут же берется подтягивать меня по классу студенческих вечеринок. Вскоре я уже точно знаю свое расписание на неделю. Куда идти нужно обязательно, к кому не стоит приходить никогда... Вот с этого момента жизнь действительно начинает меня устраивать. Зои выгодно оттеняет меня, привлекая все взгляды парней в радиусе километра. Помню, как мы с ней сидим в кафетерии. В зал входит парень и начинает допытываться у одного из наших сокурсников, где ему найти Верену Вибек.

– Вон, видишь двоих? Та, что красивая, – Верена.

В этот момент я очень надеюсь, что Зои этого не услыша-

ла. Впрочем, к тому парню я проникаюсь глубокой симпатией.

– Верена Вибек? Завтра начинается дополнительный курс по криминальной психологии, тебя записывать?

– Конечно, – киваю я, не особенно понимая, зачем из-за этого нужно было искать меня здесь.

– У тебя мало дополнительных курсов в таблице? – недовольно спрашивает Зои. Не дождавшись ответа, она встает из-за стола и направляется к выходу.

– Что за курс? – интересуюсь я у парня.

– Маньяки и серийные убийцы, – говорит он, усаживаясь на освободившееся место Зои.

Оказывается, что список записавшихся нужно отдать сегодня, причем в ближайшие пару часов. Парень заметил, что Вибек, которая вроде бы ходит на все, что можно и нельзя, на этот курс не записалась, и решил уточнить у меня лично.

Народу на первый факультатив приходит намного больше, чем записалось. А когда слава о Джерми Флемми разносится по курсу, становится понятно, что на его факультативы места нужно будет бронировать заранее. И никакие списки больше не нужны. Зои тоже начинает ходить на эти семинары, тоже из-за Джерри, а не из-за маньяков.

26-летний магистр психологии, успешный журналист, приглашенный читать этот курс, Джерри Флемми стал просто секс-символом всего университета. Темные, чуть выющиеся волосы, серые глаза, атлетичная фигура в умопомрачи-

тельно дорогих шмотках. Да еще и рассказывает про маньяков. Что может быть более сексуальным? Серийные убийцы, извращенцы, каннибалы, садисты... Когда он рассказывает историю поимки очередного злодея, все невольно становятся на сторону маньяка, отрезавшего конечности у еще живых девушек.

Если честно, мне не очень приятно вспоминать те времена. Все это было так давно, что мне приходится убеждать себя, что это действительно было. Джерри хорош во всем. Это факт.

За месяц до окончания первого курса он объявляет, что нас ждет итоговый тест. Причем на следующей неделе.

– А что будет на тесте? – интересуется кто-то с галерки.

– Количество жертв, даты жизни, статьи обвинения и тому подобная ерунда, – непонимающе пожимает плечами Джереми.

На тест я прихожу во всеоружии. У меня с собой конспекты и шпаргалки. Ну и плевать, что они запрещены. Не хватало еще испортить табель такой мелочью, как дополнительные курсы. Уже на шестом вопросе мне нужен конспект. Я поднимаю голову и натываюсь на пристальный взгляд Джереми. Он насмешливо поднимает брови и отворачивается. Я преспокойно смотрю нужные ответы.

Результаты теста объявляют вечером следующего дня. Высший балл. У нас с Зои – максимально возможные результаты. Впрочем, сдали тест практически все. Поскольку боль-

ше в ближайшие дни ни экзаменов, ни тестов не предвидится, мы идем отмечать в ближайший бар.

– За успешную сдачу! – провозглашает долговязый парень, который вечно приходил первым и уходил последним с этого факультатива. У него акцент хуже, чем у меня. Откуда-то из Восточной Европы.

– Даже не верю, что выучила все это! – бормочет Алисия, девушка, сидевшая на факультативе на первом ряду.

– Кто выучил, а кто списал, – сказала Зои, посмотрев на меня.

Я растерянно улыбаюсь.

– Да ладно, как ты умудрилась? – восхищается долговязый парень. Он не понял, кто все-таки списал: я или Зои, поэтому смотрит попеременно на нас обеих.

– Просто пару вопросов подсмотрела, – бормочу я.

Вечеринка перерастает в обсуждение того, как мне удалось списать, а затем и в то, как прекрасен душка Джереми. На следующий день я с отчаянно ноющей головой все-таки плетусь в университет. Вечером – последнее занятие у душки Джереми. Оно посвящено Елизавете Батори. Знаменитая женщина-маньяк из Восточной Европы. Она жила в Средние века, поэтому с точки зрения закона фигура совершенно бессмысленная. Да и с точки зрения психологии тоже. Предельно адекватная дамочка, просто любила весьма специфические косметологические процедуры. Принимала ванны из крови юных девушек.

По окончании занятия Джереми благодарит всех за внимание и удостоивается бурных и продолжительных аплодисментов.

– На бис могу только тест провести, – довольно улыбается он.

Народ уже тянется к выходу. Я иду в числе последних.

– Верена, задержитесь на пару минут, – просит он, когда я оказываюсь в метре от него.

– Что случилось? – встревоженно спросила я.

– Вы же юриспруденцию изучаете, должны знать, что никогда не нужно признавать своей вины. Если бы Харольд Шипман² в каждом баре рассказывал о своих подвигах, у него бы не получилось убить 300 человек.

– Вы говорите об этом, как о достижении, – говорю я.

– В каком-то смысле так оно и есть. На будущее... Никогда не признавайтесь в том, что вам удалось списать. Особенно сокурсникам. Преподаватель может и пожалеть, а друзья всегда все расскажут. – Да, он именно так и сказал.

– Как?.. – опешила я.

– Не буду раскрывать свои источники, но на будущее имейте в виду, – говорит Джереми.

– Спасибо.

– Кстати, с этой минуты я здесь больше не преподаватель, а вы не моя студентка, – говорит на прощание Джереми

² Гарольд Шипман (1946–2004) – британский серийный убийца-врач, орудовавший в пригороде Манчестера Хайде.

Флемми. – Может быть, выпьем сегодня кофе?

– Может быть, – соглашаюсь я.

С этого момента мне завидуют абсолютно все. И студенты, и преподаватели, и уборщицы с официантками. Мы с Джерри успели пару раз сходить в кино, а потом я уехала домой на каникулы.

За полтора месяца дома я понимаю, что больше не могу здесь жить. Я обожаю свой любимый кукольный Гданьск с набережными и маленькими домиками, но меня нестерпимо влечет в Штаты. Впрочем, все 45 дней я неустанно рассказываю о своих успехах. А это очень даже развлекает.

Возвращаюсь в Штаты за неделю до начала занятий. Все семь дней мы проводим с Джерри, маньяками и The Doors. Любовь к этой самой американской группе объединяет нас. Мы ставим одинаковые мелодии звонка на телефон. Это кажется ужасно романтичным. Hello, I love you. Это кажется очень романтичным. Потом приезжает Зои. Все грозит быть таким же прекрасным и веселым, как на первом курсе, только лучше.

* * *

Что было дальше? Да ничего особенного. Просто завидовать перестали.

Помню момент своего триумфа. Джереми вновь ведет семинар про маньяков, но у первокурсников. А жаль. Впрочем,

у нас тоже есть несколько весьма занятных курсов. Виктимология, например. Психологию поведения жертвы преподает Ванда Макдрайв. Женщина лет пятидесяти. Она носит строгие брючные костюмы и туфли на высоченном каблуке. Ее все боятся. А у меня каким-то чудом получается расположить ее к себе.

– Как тебе это удалось, а? – взрывается однажды Зои. Мы только что получили результаты теста по виктимологии. Зои получила D, а я А.

– Не знаю, – честно отвечаю я. – Сегодня будет распределение ролей на процессе, кем будешь?

– Еще и процесс. Черт! – Зои ломает карандаш. – Там есть что-нибудь для людей с работой?

Она недавно устроилась в местный супермаркет. Вообще-то для студентки второго курса это не очень-то почетно. Там в основном школьники работают. Но с нашим знанием английского на многое рассчитывать не приходится. Я работаю официанткой в небольшом кафе на другом конце города. Как вы понимаете, то, что на дорогу до работы уходит сорок минут, это достоинство, а не недостаток. Никто зато не видит меня в идиотском переднике и с чайником кофе в руках. Сейчас Зои действительно приходится хуже, чем мне. Она работает по шесть часов каждый день, а я сплю в кафе три ночные смены в неделю. Там все равно никого, кроме пары психов, за ночь не появляется.

– Будешь свидетельницей, – говорю я.

– А ты, естественно, хочешь быть адвокатом? – хмыкает Зои.

– Конечно.

– А тема, естественно, про маньяков.

– Ты хорошо меня изучила, – смеюсь я.

– Ну и что сделал Джереми?

– Иногда ты меня пугаешь, – отвечаю я.

Суть в том, что мы должны инсценировать известный судебный процесс. По результатам работы нам выставят баллы по судебной речи. Поначалу все кажется веселым школьным спектаклем, но чем дальше, тем тяжелее.

Шесть процессов на поток. В каждом задействовано по пять человек. Каждый посвящен реально существовавшему преступнику. Суть не только в том, чтобы научить нас держаться на публике. Суть в том, чтобы научить нас защищать кого угодно и обвинять кого угодно. Вообще-то я хотела Ларри Флинта, но Джереми уговорил нас на Иссэя Сагаву, каннибала из Японии. Нас шестеро, считая примкнувшего к нам Джерри. Естественно, все мы, кроме Джерри, из Восточной Европы. Здесь нет никого, кто бы родился в Штатах, поэтому все ищут своих.

– Кому нужен твой порноманьяк? – картинно восклицает Джерри. Он сам вызвался изобразить преступника. Никто из наших двух мальчиков не хочет исполнять эту роль.

– Я за Флинта, – флегматично заявляет Виктор, один из наших мальчиков.

– Я за этого Иссэя, – зевает Зои.

– Черт с вами, – говорю я и забиваю в Гугле имя этого Иссэя Сагавы. Будучи студентом по обмену, он убил и съел свою однокурсницу, очаровательную француженку Рене Хартевелът. Как объяснил потом сам Иссэй, хотел получить часть ее очарования. Это очень хороший пример для процесса. Иссэя тогда экстрадировали в Японию и вскоре освободили. Он женился на какой-то девушке и лишь изредка посещал морг для своих маленьких шалостей. До сих пор, кстати, жив. Читать подробности дела просто отвратительно. Показания Иссэя больше напоминают сборник кулинарных рецептов. Учитывая, что текст сопровождается фотографиями, все выглядит не очень аппетитно.

Днями напролет мы готовим это шоу. Да, это скорее шоу, а не инсценировка процесса. Небольшой спектакль. Джерри частенько отпрашивается с работы в редакции, а иногда и свои семинары отменяет ради наших репетиций. Ему очень нравится сидеть за столом в комнате и пытаться сорвать мне речь защиты.

– Я же должен понимать, что происходит в душе маньяка, – поясняет он.

Его фильм про Джеффри Дамера, Милуокского монстра, получил несколько наград, и по местным меркам он звезда. Руководство канала готово на все, лишь бы Джерри не решил, что пора развиваться дальше, и не уехал в Нью-Йорк. Университет тоже почитает за удачу приобретение звездно-

го преподавателя. Наличие такого факультатива переводит университет на другой уровень. Почти «Сорбонна» с «Гарвардом», до которого тут кстати час езды. Поэтому Джерри может себе позволить абсолютно все, даже роль маньяка в студенческом судебном процессе.

Для Джерри это детские игры, но для меня дело жизни. Настоящая работа проходит по ночам. Ей я и Виктор, то есть прокурор, посвящаем все свое время. И я, и он учим все подробности дела по ночам, когда никто не видит. Сначала по отдельности, а затем решаем объединиться. Остальные не знают обо всем этом. Они считают, что все это шоу. Спектакль.

В день экзамена мы на высоте. Джерри всеми силами пытается сорвать мне защиту, за что каждый раз срывает аплодисменты присяжных. За паршивые двадцать минут он умудряется рассказать рецепта три коронных блюд Иссэя.

Суд я выигрываю, как и прописано в нашем сценарии. Преподаватели нам аплодируют. Даже Ванда Макдрайв хлопает нам с Виктором. Пожалуй, только она и хлопает нам, остальные встречают овациями Джерри.

– А все-таки есть нечто интригующее в том, что его жена до последних дней жизни боялась быть съеденной, – говорит Джерри, когда стихают аплодисменты. – Наверное, она из-за этого и вышла за него.

– Кому-то нужно меньше смотреть «Сумерки», – бормочу я. Нарочито громко. Все начинают хохотать и снова аплоди-

ровать. На сей раз не Джерри, а мне.

Я улыбаюсь. Это всех раздражает.

– И «50 оттенков» на ночь поменьше читать, – бормочет себе под нос Виктор. Его тоже слышат и начинают смеяться еще громче. Джерри бледнеет, но не подает виду. Он вдруг поворачивается к Зои и спрашивает:

– А ты бы согласилась выйти замуж за человека, который в любой момент может тебя убить?

– Нет, – отвечает Зои, она напрочь забыла о своей роли. – Ты вообще видел этого Иссэя? В страшном сне не приснится...

– А если бы он выглядел, как я? – вкрадчиво спрашивает Джерри. – Если бы он выглядел как я, но был маньяком, Зои? – он буквально перегибается через стол, чтобы оказаться как можно ближе к ней.

– Не знаю... – бормочет Зои.

– Довольно, Джереми. Из любого человека можно сделать жертву, – прерывает его Ванда Макдрайв. – Потом только большая проблема из жертвы человека сделать, – добавляет она.

* * *

Мой последний день, когда мне завидуют. Восхищаются. Аплодируют. Перед самым пинком. Вечером Джерри орет на меня. Впервые. Кричит о том, что я возомнила себя непо-

нятно кем, раскатала губу, вшивая студенточка... Я не могу удержать подступившие слезы и выбегаю из комнаты. Не пошел бы он к черту, а?

На самом деле, не пошел. Я мечтала о том, что мы поженимся. Купим небольшую квартирку в Нью-Йорке. Ну и так далее по списку. Главное – не возвращаться в Гданьск. Там мне больше не место. Короче говоря, Джереми прав, и это обиднее всего. В любом случае он не настолько мне нужен, как думает.

Все последующие дни я избегаю его. Естественно, по ночам представляю, как он ждет меня с букетом цветов и слезами на глазах. Мечты всегда сбываются. Вопрос в формулировке желаний.

Джереми действительно ждет меня с букетом цветов. Через три дня после случившегося. Мы с Зои возвращаемся с занятий. Она вечером планирует пойти выпить в бар неподалеку, а я буду учить виктимологию. Это мой любимый предмет. Он действительно отвлекает. Жаль, что не профильный.

– Верена, погоди. Нам нужно поговорить, – окликает меня Джереми.

– Иди, я через пять минут буду, – говорю я Зои и оборачиваюсь. Я жду, когда он сделает шаг навстречу, но ничего не происходит.

– Ты уже все сказал... – гордо говорю я.

Дальше все происходит по стандартному сценарию. Разговор заканчивается новой ссорой. Только на этот раз я по-

нимаю, что дальше уже ничего не будет. Джерри – маньяк. Джерри – секс-символ. Джерри – объект зависти. Просто самовлюбленный красавчик. Это уже не интересно. Ну и пусть мне сочувствуют. Это как с китайскими подделками. Даже если все провожают завистливыми взглядами, ты знаешь, что это всего лишь подделка.

Теперь уже я больше не жду извинений, слез и ссор. Избегаю его по-настоящему. С несвойственной мне спринтерской скоростью. Все свободное время провожу с Виктором. С ним весело. Он одержим азартными играми. В его комнате, наверное, сотни брошюр по теории игр, руководств по блефу, истории покера и пр. Естественно, все доступные и недоступные деньги он тратит на онлайн-казино и подпольный покер. Почти всегда проигрывает, хотя знает об игре больше, чем кто бы то ни было. Когда человек в чем-то хорош, с ним всегда интересно.

– Ты бы поговорила с Джерри, он так бесится, – не устает упрашивать Зою. В конце концов я не выдерживаю и говорю:

– Послушай, если ты еще раз произнесешь его имя, я больше не буду за тебя готовить все эти задания по виктимологии.

Зоя несколько мгновений смотрит на меня, а потом выходит из комнаты. Мне стыдно. Но я не могу простить ей того признания на процессе. К тому же нужно же хоть кого-нибудь обвинить во всем.

Еще неделя занятий проходит в стандартном режиме.

Учеба. Домашние задания для меня и Зои, ночные смены в захудалом баре на другом конце города, болтовня и покер с Виктором и его соседом по комнате. Они пытаются сделать из меня шулера. Ничего не выходит, но это весело.

В воскресенье утром Зои будит меня часов в восемь утра. Она выглядит так, будто выиграла миллион долларов. Лицо буквально сияет от счастья.

– Что случилось? – хриплю я спросонья и беру со стула свитер.

– Мне премию дали, – пищит она. – Даже не ожидала. Двести баксов!

– Неплохо, – соглашаюсь я уже возле кофеварки.

– Сегодня едем на шопинг, – заявляет она. – И твой психованный Виктор со своим покером нам не помешают. Триста лет с тобой никуда не выбирались.

– Только очень скромный шопинг. Для бомжей, – предупреждаю я. – У меня никаких премий не предвидится.

Мы едем на шопинг в центр Бостона. Как ни странно, но время действительно проводим неплохо. Покупаем кучу всяких мелких и никому не нужных вещей, в основном из тех, что не дороже трех долларов. Сидим в кафе. Знакомимся с какими-то парнями, затем хихикаем и обсуждаем их ровно до момента знакомства со следующими. Все это, и правда, увлекательно. Когда я решаю посмотреть на часы, время близится к полуночи. Денег на такси у нас уже нет. Машины у нас тоже нет и не предвидится в ближайшие полгода. Это

только в фильмах каждый школьник на своей тачке. На самом же деле у нас в колледже поголовно все на велосипедах разъезжают. Черт.

Решаем от конечной доехать автостопом.

Ночное метро в Бостоне выглядит зловеще. Там практически никого нет. В вагоне мы сидим одни. В соседнем я видела еще пару человек. Пустые платформы с грязными, исписанными граффити стенами. Неприятный запах канализации. Абсолютная тишина в те минуты, когда поезд останавливается, и гулкий рев, когда поезд набирает ход.

Всю дорогу мы с Зои молчим. Каждая из нас клянет себя за нерасторопность. Зои кто-то названивает, но она не берет трубку. Пишет смс. Текст увидеть не удастся.

– С каких пор ты стала такой скрытной? – спрашиваю я, разглядывая содержимое пакетов. Все-таки там есть пара ценных приобретений. Юбка за три доллара, футболка за пять.

– Да ну, ничего интересного, – отмахивается Зои.

В этот момент поезд останавливается. Конечная. Мы выходим. Это открытая станция, поэтому здесь особенно холодно и противно. Бетонный пол изгажен всем, чем только можно. Кажется, там даже следы крови есть.

– Пойдем отсюда быстрее, – ежусь я.

– Ага, – задумчиво соглашается Зои и хлопает себя по карманам. – Сигареты кончились.

– Ты ж почти не куришь, – отвечаю я. Мы выходим на пу-

стынную улицу. Для того чтобы поймать попутку, нужно перейти на другую сторону. Подземный переход навевает нехорошие ассоциации с фильмами ужасов.

– Н-да, мы давно с тобой не общались, – протягивает она. – Подожди, я сгоняю в тот магазинчик на углу.

Она разворачивается и бежит к мигающей вывеске в конце улицы. По-моему, это не магазин, а бар. Собираюсь побежать следом, но не успеваю. Кто-то хватает меня за горло.

– Что, сука, думала, что все так просто? – шипит Джерри. Боковым зрением замечаю еще несколько фигур за его спиной. Меня тащат в переход. Первый удар головой о стену. Затем второй. Кто-то запрокидывает мне голову и начинает вливать в горло жидкость. Она обжигает пищевод. Так обычно пишут.

Я не чувствую боли. Это вообще протяженное во времени понятие. От ударов не бывает боли. Боль – это слово, которое медленно расплзается по телу и постепенно топит тебя. Когда твой организм отчаянно борется с алкогольным отравлением, когда тебя окружают четверо здоровых парней и по очереди швыряют тебя об стену, когда уровень адреналина буквально убивает нервную систему, не испытываешь боли. Когда больше ничего не остается, когда единственный способ доказать, что ты жива, это посмотреть в глаза человеку, не нужно этого делать. Я заглядываю в глаза Флемми и нагло скалюсь. Он делает шаг назад и включает камеру на телефоне. Чья-то рука с татуировкой на локте тянет за во-

рот кофточка, и та жалобно трещит. Все дело в унижении, а не в боли. Если вы хотите жить, если вы хотите сделать еще пару вдохов, поесть бургеров и встретить с кем-нибудь хоть один рассвет, не улыбайтесь. Не нужно лишний раз раздражать людей.

Все дело в деталях. Именно они делают историю правдоподобной. Возможно, поэтому мой мозг удалил ненужные подробности того вечера. Я помню лишь кадры очень плохого фильма. Неестественно темную, почти черную полосу крови на стене рядом с моим лицом. Кровь из носа, расщепленной брови, с затылка, не знаю. Меня швыряют, и полоска превращается в грязные разводы. Помню, как мозг фиксирует Джерри, спокойно водящего пальцем по экрану телефона. Он стоит в стороне. Больше не принимает участия в этом. Наблюдает и фиксирует. Ничто в его облике больше не выдает бешенства, с каким он схватил меня за горло.

Единственный способ бороться – перестать существовать. Наблюдать за происходящим со стороны, с точки зрения Джерри. Для этого лучше всего было бы потерять сознание и увидеть свет в конце тоннеля, но у меня слишком долго не выходит. Наконец я все-таки сдаюсь.

Помню то ощущение, как на аттракционе «Свободное падение». Как будто летишь с тарзанки, только эта пропасть не имеет конца. Я падаю ровно до тех пор, пока не слышу звук мотора. Меня больше никто не трогает. Боль еще не вступила в свои владения, она лишь примеряется к вверенной ей

территории.

Машина останавливается. Кто-то вышвыривает меня на асфальт.

– Я же говорил, что подброшу тебя, – слышится голос Джерри. Затем вновь гул мотора. На сей раз звуки очень быстро стихают. Он уезжает. Сейчас утро. Я на асфальтированной дорожке, ведущей к главному корпусу университета. Вокруг меня собираются люди. Они не решаются подойти ближе, чем на расстояние в три метра. Не замечали такого? В подобных ситуациях человек, как и любое другое животное, действует исходя из инстинкта самосохранения. Слабая особь может заразить тебя, поэтому к ней не стоит подходить. Кто-то все-таки догадывается позвонить 911. Впрочем, журналисты приезжают намного быстрее. Им и ехать никуда не нужно. Редакции двух местных газет располагаются напротив университета. Они обступают меня плотным кольцом и бегают по кругу, как в детской игре «Место под солнцем». Я щурюсь от слишком яркого солнца, в лучах которого все люди превращаются в неясные силуэты.

Наконец появляется машина скорой помощи. Именно в тот момент, когда она подъезжает к лужайке, я слышу нужный вопрос: «Кто?» Или, может, мне очень хочется его услышать.

– Джереми Флемми, – с трудом говорю я.

Все стихают, а я продолжаю повторять это имя, будто это смертельное проклятье.

Меня увозит «Скорая помощь». Последнее, о чем я думаю, перед тем как отключиться, это стоимость такой поездки. Она уничтожит меня в финансовом плане. Страховка не покрывает даже половины расходов. Врач не очень-то церемонится. Он протыкает мне кожу в районе сгиба руки и ставит капельницу. Капля за каплей транквилизаторы проникают в кровь. Все заканчивается. Стихает.

Вчера, в районе семи часов утра, приглашенный преподаватель Массачусетского университета, известный журналист Джереми Флемми высадил из машины Верену Вибек. Девушка была сильно искалечена. Все тело покрывали многочисленные ушибы и гематомы. Медик, с которым мы поговорили, сообщил, что девушка была не только жестоко избита, но и изнасилована.

Верена со своей подружкой Зои Лански отправилась в центр Бостона за покупками. Возвращались девушки поздно вечером. В районе конечной станции метро на Верену Вибек напали. Где в этот момент находилась Зои, выясняет следствие. По всей видимости, девушку случайно обнаружил Джереми Флемми. Он и доставил ее в университет. Сейчас медики борются за жизнь девушки (Boston Globe).

Я прихожу в себя и падаю назад в свои подкрашенные снотворным мысли. Так продолжается какое-то время, пока я наконец не понимаю, что передо мной сидит детектив и выжидательно смотрит на меня. Я постепенно начинаю чув-

ствовать топящую меня боль, которая медленно и верно проникает в каждое доступное ей нервное окончание.

– Итак, мисс Вибек, вы утверждаете, что это сделал Джереми Флемми.

Да. Утверждаю.

Лишь спустя пару месяцев я пойму, какую ошибку совершила.

А тогда я рассказываю детективу все, что запомнила в тот день. Джерри с камерой и парень с татуировкой на руке. Это же ведь особая примета, правда?

– Такая особая примета у каждого второго в этом районе, – бормочет детектив. Через пару часов ко мне заходит врач и говорит, что ко мне посетитель. Я киваю. Врач мнет-ся, не зная, что делать. Из-за его спины выходит Джереми.

– Как ты себя чувствуешь? – заботливо спрашивает он и присаживается на край кровати. Врач выходит и закрывает за собой дверь.

– Зачем ты пришел?

– Я спросил, как ты себя чувствуешь? – уже совсем другим тоном спрашивает он.

– Лучше не бывает.

– Послушай, я решил подарить тебе шанс. Если ты не явишься на заседание суда и исчезнешь из города, я готов сделать вид, что тебя не существовало.

– А если явлюсь?

– Не явишься, поверь мне. Для меня ты умерла, и я хочу,

чтобы так и оставалось. Если я когда-нибудь узнаю, что ты еще жива, я тебя уничтожу. Поняла?

– Нет.

– Поняла. Я же вижу. Тебе сейчас плохо? Будет намного хуже.

– Ты не переизучал маньяков?

– Маньяки – просто тщеславные ублюдки. Я свои амбиции и так удовлетворяю. Просто хорошо воспитан. Моя девушка либо со мной, либо мертва. Бывших не бывает.

Он вновь цепляет на лицо заботливую улыбку и прощается. Желает скорейшего выздоровления. Флемми недооценил меня. В тот момент я действительно полна решимости уничтожить его.

Вечером решаю позвонить домой. Уже слышу характерные гудки скайпа, когда замечаю свое отражение на черном стекле экрана. Судорожно отключаю камеру. Отвечает отец. Выглядит он неважно. Мы говорим ни о чем. Я вру, что попала в вирусную больницу и неделю провалялась с высокой температурой, но теперь все хорошо. Спрашиваю, как там мама. Отец вдруг замолкает на минуту. Его лицо сейчас напоминает посмертную маску. Затем его губы начинают шевелиться, но никаких звуков я не слышу.

– Дочка... Она умерла. Неделю назад скончалась на месте. Авария... – глухо забивает отец крышку моего гроба.

В палату заглядывает врач и настороженно наблюдает за происходящим. Я не знаю, что должна делать. Не знаю. Не

знаю. Не знаю...

Врач аккуратно берет у меня из рук планшет, спрашивает, что случилось, и подкручивает капельницу на максимум. Сознание не стоит того, чтобы в него приходить. Этот мир... В нем больше не осталось ничего хорошего, понимаете?

Когда мне вновь позволяют прийти в себя, я узнаю о том, что видео с изнасилованием меня распространили по всему университету.

До меня вдруг доходит, что я ни разу так и не видела в своей палате никого, кроме врачей. Спрашиваю, что случилось, и оказывается, что все решили, что я оклеветала Джереми.

На предварительном заседании суда Зои дает показания, не имеющие ничего общего с действительностью. По ее словам, мы по моей просьбе пошли в бар на углу. По дороге я познакомилась с четырьмя парнями и сказала, чтобы Зои подождала меня в баре. Там она встретила Джерри. Они бы помогли мне, но Зои решила, что мне понравились все четверо ребят. Да и переход, видимо, вызвал во мне бурю восторга. Джерри и Зои обнаружили меня ближе к утру. Флемми, несмотря на обиду на меня, благородно решил довезти меня до кампуса. Зои хотела отвезти меня в больницу, но я настояла на том, чтобы меня вернули домой. Это уже даже не удивляет.

Очень хочется вернуться в Гданьск, но куда возвращаться? Больше некуда. Мысль о том, что отец мог увидеть то

видео, буквально парализует. Я не вернусь домой.

Переломы ребер, вывихи рук, многочисленные гематомы и ушибы заживают довольно быстро. Из глобальных последствий на организм – испортившееся зрение. Глаза сильно повредили, и теперь нужно носить специальные очки или линзы. Впрочем, даже в них я вижу достаточно плохо. Попытаться восстановить зрение можно будет только через какое-то время. Год или два. Так говорят врачи.

Меня наконец выписывают. В тот момент я уже понимаю, что не смогу учиться в университете. По одной простой причине: практически все деньги за следующий год, которые отец мне перечислил накануне, ушли на погашение долгов за лечение.

Я возвращаюсь в общежитие, но очень быстро понимаю свою ошибку. На следующую же ночь в своей комнате (Зои из нее выехала практически сразу же после той ночи) я обнаруживаю резиновую куклу из секс-шопа. На надувное лицо прилеплена моя распечатанная фотография.

Переезжаю в самую дешевую квартиру из газеты с объявлениями. Оплачиваю месяц проживания. Однокурсники узнают о квартире. Когда я возвращаюсь с занятий, вижу лишь дым, валящийся из комнаты квартирки на четвертом этаже многоквартирного дома.

Мою страницу на Фейсбуке взламывают такое количество раз, что приходится обратиться в службу поддержки сайта и написать заявление о заморозке права на имя. То есть ка-

кое-то время больше никто не сможет воспользоваться моим аккаунтом, никто не сможет зарегистрироваться под моим именем.

Куда бы я ни пошла, я слышу смех за спиной.

У меня больше нет матери.

Семьи.

Дома.

Друзей.

Будущего.

Себя.

Так вот, я спрашиваю: стоит ли сознание того, чтобы в него приходить?

Благими намерениями, сами знаете, куда дорога вымощена. Пару месяцев назад знаменитый журналист, приглашенный преподаватель университета, наш «Душка Джереми Флемми» наткнулся по дороге домой на искалеченное тело одной из студенток юрфака. Первое впечатление обманчиво. Девушка оказалась жива. Она попросила отвезти ее к университету, а не в больницу. Джерри послушался и высадил девушку возле главного входа.

Девушку жестоко избили и изнасиловали, а на следующий день и вовсе выложили видео в сеть (сейчас его уже удалили по постановлению суда. – Прим. ред.). Так что бы вы думали? Лучшая студентка курса обвинила во всем Душку Джереми. Как нам рассказала подруга Верены Зои Лански, Вибек с

Флемми связывали романтические отношения, но на днях Джереми порвал с Вереной и стал встречаться с Зои (он, кстати, уволился ко всеобщей досаде студентов, так что пишем это, не боясь испортить репутацию любимому коллеге-журналисту). Не стоит дружить со студентками юридического факультета... Ох, не стоит... (Boston Globe).

В тот день, когда случается пожар в квартире, я звоню Виктору. Последнему человеку, который все еще со мной разговаривает. Он приезжает почти сразу же. Вид у него взъерошенный. Несколько суток подряд старательно проигрывал очередной родительский подарок.

Мы садимся на ступеньки у соседнего подъезда и наблюдаем за работой пожарных. Он неуклюже пытается меня обнять, но я вздрагиваю и отстраняюсь.

– Верена, я все-таки должен тебя спросить. Ты уверена, что хочешь продолжать все это? – спрашивает он. – Я про суд над Флемми.

– У меня вроде бы нет выбора, – отвечаю я.

– Я просто хотел сказать, что... – Он не знает, как закончить это предложение.

– Говори как есть. Я не обижусь. Это не выгодно в моем положении.

– Если человек проиграл один раз, у него еще есть шанс выиграть, но если два – уже нет. Что-то сбивается в системе. Человек этого не замечает. Продолжает действовать по ста-

рой схеме и всегда проигрывает. Каждый раз все больше.

– Из тебя выйдет очень плохой адвокат, – говорю я.

– Зато отличный бездельник, – отвечает он.

– То есть если проиграл два раза, дальше уже можно не жить? Очень ободряет.

– Нужно подождать. Оставить эту игру и пересесть за другой стол. Когда вернешься, будет новая игра, а новичкам обычно везет, – глубокомысленно отвечает он. Если бы параллельно с этим он не делал в телефоне ставку на какую-то спортивную команду, звучало бы очень по-философски.

– Наверное, ты прав, – говорю я и шмыгаю носом. Мне холодно. Из вещей только сумка с учебниками и документами. Больше ничего.

Я иду на автовокзал и беру билет на ближайший автобус до Нью-Йорка. С этого дня я перестая существовать. И мне хорошо. Если тебя нет, тебе не завидуют, но и не смеются над тобой. Пара часов до Нью-Йорка пролетают как один миг. Мне было так хорошо и спокойно в этом автобусе. Я точно знала, что делаю. Все в этом автобусе были заняты одним – они ехали в Нью-Йорк. И немолодая пара, мило воркующая на переднем сиденье, и парень в косухе, и строгая женщина в очках, и я. Когда автобус останавливается, понимаю, что не знаю, что делать дальше.

Неожиданно быстро я нахожу комнату в каком-то злачном районе. 70 долларов в неделю. Вроде бы недорого. Толстая американка в застиранном платье, наверное, час объясняет

мне правила проживания.

Когда дверь за той женщиной, очень напоминающей бульдога из мультфильма про Тома и Джерри, захлопывается, я понимаю, что осталась совершенно одна. Вроде как привидение. Кроме той женщины, никто не знает о том, что я здесь. Мне больше никуда не нужно. Я не учусь. У меня нет работы. Ничто не держит меня здесь.

Естественно, я тут же начинаю прислушиваться к звукам старой комнаты. Кажется, что скрипнула половица. Затем капающий кран. Потом я просто выбегаю из комнаты в длинный общий коридор-балкон. Я быстро сбегаю вниз по лестнице и отправляюсь гулять по городу.

Вскоре я набредаю на маленький старый кинотеатр. В Штатах очень любят такие места. Грайндхаусы. Старые кинотеатры, в которых можно посидеть на пыльных креслах и посмотреть какой-нибудь фильм, который провалился в прокате лет эдак тридцать назад. В том, на который набрела я, показывают фильм польского режиссера. «Горькая луна» Романа Полански. Я принимаю это за знак свыше и решительно захожу внутрь. За 139 минут я проживаю чужую жизнь. Мне совершенно не важно, что показывают на экране. Главное, что он был достаточно большой, чтобы попытаться в нем раствориться.

На обратном пути я захожу в небольшой арабский магазинчик, чтобы купить сигарет. Там стоят три человека. В маленьком пространстве магазина они превращаются в насто-

ящую очередь. Передо мной стоит какой-то старый мужик с одутловатым лицом. Он все время пытался с кем-нибудь заговорить. Обернувшись, он натывается взглядом на меня, с преувеличенным интересом выбирающую шоколадки.

– Ну что, как тебе Нью-Йорк? – весело интересуется он, пытаясь приобнять за плечи. В этот момент меня как будто под дых ударили. Дикий страх сковывает все внутренности. В моем размытом и затуманенном мире мужик кажется настоящим чудовищем. Видимо, все-таки нужно заставить себя носить очки. Я в ужасе делаю неуклюжий шаг назад и задеваю стойку, на которой выставлены шоколадные батончики с новым вкусом. Сотня маленьких брикетиков с тихим шелестом оберток падает на пол. Я поднимаю голову и вижу искаженное яростью лицо продавца. Его можно было понять, ведь именно ему сейчас предстоит ползать по полу, собирая все эти шоколадки. Я делаю еще один шаг назад, а затем быстро-быстро бегу к выходу. Как будто что-то украли.

Оказавшись у себя в комнате, я вздыхаю с облегчением и принимаюсь гуглить симптомы. Поставив себе с десятков психических расстройств, начинаю гуглить самого дешевого психолога в этом районе Нью-Йорка. Оказывается, что такой принимает в паре кварталов отсюда. На часах девять вечера. Я набираю номер и прошу мистера Джейкобсона к телефону.

– Слушаю, – раздался в трубке очень взрослый мужской голос. Чересчур громко вздохнув, я все-таки набираюсь смелости записаться на завтра. На любое удобное ему время.

Ему удобно встретиться в пять вечера.

На следующий день где-то с восьми утра и до пяти вечера я сижу в кафе напротив дома, где принимает мистер Джейкобсон. Маленькое офисное здание, самого невзрачного вида. Учитывая непрекращающийся дождь за окном, впечатление дом производит весьма паршивое.

Мистер Джейкобсон принимает в офисе на третьем этаже. За тяжелой железной дверью небольшой кабинет с развешенными повсюду картинами. Мистер Джейкобсон, мужчина лет сорока с тронутыми проседью волосами, пристально смотрит на меня. Я шмыгаю носом, громко вздыхаю и плюхаюсь на кресло.

– Мне кажется, я догадываюсь о причине вашего визита, – медленно говорит он. Неудивительно. История о судебном процессе над Джереми Флемми попала в несколько газет. Все-таки он был из очень уважаемой семьи. Я не знаю, что ответить на эту фразу мистера Джейкобсона.

– Я... я батончики в магазине рассыпала, – говорю я.

– Батончики? – недоуменно спрашивает психолог.

– Шоколадные, – киваю я.

– Тогда, возможно, я ошибся. Расскажите, чего вы хотите от этого сеанса? – Он откидывается на спинку кресла и скрещивает руки на груди. Вот точно видел этот жест в каком-то дешевом сериале и сейчас решил его повторить.

– Хочу стать социопатом, – говорю я.

Он усмехается.

– Даже не представляешь, насколько ты неоригинальна. С этой просьбой каждый первый приходит, – говорит он. – Нужно объяснять, что это невозможно?

– Нет. Не нужно, – протягиваю я. – Знаете, из любого человека можно сделать жертву, но...

– Очень сложно сделать из жертвы человека. У Ванды Макдрайв учились? – спрашивает он.

– Откуда вы знаете?

– Мы с ней на одном курсе были, – поясняет психолог. – Она была лучшей на потоке. Знаешь... ты ведь больше не придешь, верно? – спрашивает вдруг он.

– Вряд ли. Это слишком дорогое удовольствие, – честно отвечаю я.

Мы говорим еще сорок пять минут. В основном о том, как поживает Ванда Макдрайв. Не помню в связи с чем, он говорит:

– Это вне профессиональной этики, поэтому денег с тебя не возьму. Это дружеский разговор. Сколько ни практикую, всегда одно и то же. Рано или поздно человек снова превращается в жертву. Это необъяснимо.

В этот момент я смотрю на часы и понимаю, что оплаченное время на исходе. Когда я уже берусь за ручку двери, мистер Джейкобсон окликает меня и говорит:

– Там на первом этаже центр контактной коррекции зрения. У них сейчас какая-то акция. Набор из линз всех цветов за 20 долларов, как-то так. Это хоть с глазами поможет

решить проблему.

– Спасибо, – восхищенно говорю я. Это действительно очень полезная информация.

Я захожу в центр коррекции зрения, показываю свой рецепт из клиники: на нем написано, какое у меня теперь зрение. Фармацевт кивает и предлагает мне набор за 20 долларов. Шесть цветов. Двенадцать линз. Каждая пара на две недели. Я тут же покупаю и иду к себе.

* * *

Через пару дней я покупаю билет на автобус до Кливленда. Дело не в пункте назначения, а в самом автобусе. Мне жизненно необходимо ехать куда-нибудь и смотреть какой-нибудь фильм. Когда это происходит одновременно, мне больше ничего не нужно. Как вариант, можно слушать музыку или читать, но лучше все-таки смотреть кино. Полное погружение. Я держу курс на Лос-Анджелес. Это семь часов на самолете, но я надеюсь, что мой путь займет всю жизнь. Единственный человек, с которым я периодически общаюсь, – мой отец. Стараюсь звонить ему из придорожных закусочных с красными кожаными диванами. Они все одинаковые. Там даже официантки почти на одно лицо. Надеюсь, он не замечает ничего подозрительного. Надеюсь, что он вообще ничего не замечает. Он спрашивает об учебе. Я рассказываю ему какую-нибудь чушь, а потом перевожу

разговор на знаменитых маньяков. Я о них знаю все, а он слышать о них не может. Мы никогда не разговариваем о маме и, в конце концов, превращаемся в чужих друг другу людей. Я это чувствую.

Цинциннати, Нэшвилл, Джексон, Новый Орлеан...

Мне совершенно не важен город. Доходит до того, что когда меня спрашивает тетушка на рецепции в мотеле, понравился ли мне их город, я отвечаю:

– Да. Отличный кинотеатр.

Я беззастенчиво пользуюсь добротой отца, который то и дело подкидывает мне денег на карманные расходы. Их ни на что не хватает, но я не представляю, как мне начать добывать деньги, если практически каждый день я оказываюсь в новом городе. И нет, я не планирую останавливаться.

К моменту приезда в Новый Орлеан у меня появляется несколько навязчивых хобби. Одно из них: маниакальная слежка за всеми, кого я знала. Я завожу несколько аккаунтов с вымышленными именами и начинаю поиск и слежку. Все начинается с того, что я захожу на страницу Джерри. Читаю его статусы.

Что не ломает, делает нас сильнее.

Когда мне тяжело, я всегда напоминаю себе о том, что если я сдамся – лучше не станет.

Ночь темна перед рассветом.

Это ЕГО статусы. Ненависть, злость и стыд топят меня. Я захожу на страницу к Зои, однокурсникам, всем, кого зна-

ла. Начинаю искать тех, кто был в переходе в ту ночь. Естественно, в друзьях у Джерри их нет. И в друзьях друзей. И... Цепочка, в общем, ясна. Открываю гугл-карты. Ищу дом, где расположен тот бар. Ищу страницу бара. В подписчиках нет. Промах.

– Девушка, вам налить еще кофе? – скучающим тоном спрашивает официантка с кофейником в руках. Я вздрагиваю и с ужасом смотрю на нее. Официантка саркастически улыбается. Она ежедневно встречает по сотне людей самой разной степени вменяемости.

– Нет. То есть да. И пирог яблочный, если можно, – говорю я и стараюсь дышать как можно ровнее. Я не знаю почему, но люди стали меня пугать. Чем больше я стараюсь контролировать этот страх, тем сильнее меня пугает... всё. Кажется, организм живет по каким-то своим законам. Как только дыхание выравнивается, официантка возвращается с тарелкой, на которой лежит кусок пирога. Она со стуком ставит его на стол и наливает новую порцию кофе.

Решаю, что нужно как-то бороться с собой. Пока не решила как, продолжаю искать страницы тех людей. Я плохо помню их лица, но на руке одного из них был вытатуирован дракон и какая-то надпись. Не помню, что там было написано, но стиль букв воспроизвести смогу. Просматриваю тех, кто чекинится в этом баре. Выделяю постоянных клиентов. 10 анкет. Не они. Ищу по друзьям и подписчиком и... нахожу их. На это у меня уходит часов двадцать, но нахожу. Я не

испытываю никаких эмоций, кроме стыда. Просто начинаю наблюдать. Зои, Джерри, Виктор, даже мистер Джейкобсон. Судя по анкете, у них с Вандой Макдрайв роман был в студенческие годы. Нашла пару снимков, на которых они вместе, молодые и отвратительно счастливые.

День за днем я хожу в кино, сажусь в автобусы, слежу за страницами друзей и врагов, читаю одни и те же книги. Все время покупаю новые, но читаю только те, что перечитывала много раз. В основном Гюго. «Человек, который смеется». Это про мальчика, который был рожден богатым и красивым, а потом его лицо изуродовали и оставили умирать. Он выживает. Его подбирает старый Урсус и начинает показывать его людям за деньги. У мальчика, которого зовут Гуинплен, порезан рот, и поэтому кажется, что он всегда смеется. Он вырастает. У него есть любимая слепая девушка, которая считает его самым красивым, работа в балагане и старый Урсус. Вдруг все меняется в его жизни. Гуинплен становится богатым и знаменитым. А потом все равно умирает. У Гюго почему-то всегда все умирают.

Еще я постоянно меняю цвет глаз. У меня теперь целый чемоданчик с линзами. Красные, синие, зеленые, черные, с изображением огня, футбольным мячом, паутиной... Каждый день новые глаза. В некоторых линзах я вижу еще хуже, чем без них, но мне нравится, что люди не видят за ними меня. Они восхищаются цветом моих бездонных синих (зеленых, фиолетовых, карих) глаз. Либо пугаются, когда видят,

ну например, пламя вместо зрачков.

В-общем, я делаю все, чтобы перестать существовать. В конце концов, наверное, призраки именно так и делают. Следят за жизнью всех, кого знали и кто еще жив. От скуки, наверное, ходят в кино, читают и ездят в автобусах.

Иногда я завожу интрижки на одну ночь. В первый раз очень боялась, но оказалось, что все просто. Разговаривать особенно не пришлось. Возможно, Верена Вибек и боится людей, но стюардесса Кэтти из Румынии, медсестра Конни из Германии или продавщица сладостей из супермаркета ничего не боятся. Кем я только не представлялась. Даже глухонемой. Однажды в баре Нэшвилла ко мне подходит парень. Мы разговариваем минут пять, и он вдруг говорит:

– Может, в кино сходим, а?

– Кино? – оторопело переспрашиваю я. – Нет. Это слишком личное. – Лицо парня вытягивается. – Но мы можем поехать к тебе.

Итак, Новый Орлеан. Прошло полгода с того дня. Я снимаю здесь дешевый номер в мотеле и даже устраиваюсь на работу в местный кинотеатр, так как отец в последнее время с большим скрипом перечисляет деньги на карточку. Мы созваниваемся довольно часто, но каждый раз для меня это ожидание удара. Вдруг он смотрел видео? Знает ту историю? Звонил в колледж? Этот звонок такой же, как и все предыдущие. Короткий и напряженный разговор о ничего не значащих вещах. Если затронем какую-нибудь опасную тему, пе-

реключусь на маньяков. Он знает и не задает лишних вопросов. Напоследок он вдруг интересуется:

– Верена, у меня тут девочка на практику пришла. У нее брат тоже юрист. Заканчивает учебу. Ему нужно было проконсультироваться на тему маньяков. Ты же не против, если я дам твой скайп? – Вид у отца виноватый. Сразу件нятно, что он уже дал все контакты. – В общем, он позвонит тебе сейчас, – заканчивает отец совсем уж унылым тоном.

– Но почему? – слишком громко восклицаю я и тут же начинаю озираться по сторонам.

– Потому что тебе нужен молодой человек. Муж, – отвечает он и отключается.

Парень, имени которого я не знаю, звонит минут через десять. На экране я вижу красивого, даже смазливого молодого человека в обтягивающей футболке и с самодовольным выражением лица. Он тут же начинает шутить, рассказывать какие-то истории, рассказывать о себе. Я успокаиваюсь. За 30 минут мне не пришлось сказать и трех слов.

– Так вот, слушай, забыл зачем звоню. Мне нужна консультация по одному человеку известному. Маньяку, – говорит он. – Как ты можешь охарактеризовать Ганнибала Лектера?

Я начинаю смеяться.

– Обожаю Хопкинса.

– Нет, я про реального, – обижается он.

– Это литературный персонаж, его в реальности не суще-

ствовало, – поясняя я.

– Совсем? – озадаченно спрашивает Анкель.

– Не совсем, конечно, многие люди едят других людей, просто никого из них не звали Ганнибал Лектер.

– У тебя очень красивые глаза, – вдруг тихо и серьезно говорит он. Сегодня они зеленые.

Мы смеемся и продолжаем разговаривать. Я расплачиваюсь в кафе и иду к кинотеатру, в котором должна буду шесть часов встречать гостей...

Так у меня появляется парень. Диагональю восемь дюймов. Он идеален. Прежде всего, Анкель мне нравится тем, что он никогда не спрашивал меня о реальной встрече. Это невозможно по определению. Поэтому с ним легко. А спустя какое-то время отец говорит о том, что согласился возглавить клинику в Берлине и продал наш дом в Гданьске. Анкеля он забирает с собой. Он чуть ли не ежедневно интересуется нашими с Анкелем отношениями. А спустя пару месяцев Анкель мне предлагает выйти замуж. Я соглашаюсь, в шутку конечно. Мы ведь никогда не увидимся. Это невозможно.

– Когда ты приедешь в Берлин? – спрашивает отец, когда я очередной раз звоню ему.

– Не знаю... Учеба, понимаешь.

– Хватит, Верена. Впервые рад тому, что твоя мать умерла. Хоть не видит всего этого позора, – с раздражением в голосе обрывает меня он. – Тебя отчислили год назад. Думаешь, я не знаю? А твоя выходка с клеветой на преподавате-

ля? Это ни в какие ворота не лезет! – Он почти орет. Я таким его никогда не видела. Даже на экране видно то, как набухли вены на его висках.

– Ты знаешь? – только и могу я сказать.

– Конечно знаю.

– Ты видел то видео? – Мой голос обрывается.

– Нет. Анкель мне сюжет пересказал, – кривится он. – На следующей неделе ты должна быть в Берлине.

– Папа? – Мой голос дрожит.

– Что?!

– Тебе меня не жаль?

– Мне за тебя стыдно. Дура! – рывкает он и замолкает.

Пауза затягивается, а потом он говорит: – Если уж решила оклеветать кого-то, шла бы до конца.

– Я не хотела такой славы.

– Не ври. Ты всегда хотела быть звездой. Не важно какой.

Ты понимаешь, что Анкель твой единственный шанс?

– Что ты хочешь сказать?

– Девушка должна либо выйти замуж, либо сделать карьеру. Ты ни на то, ни на другое больше не можешь рассчитывать. Кто, кроме Анкеля, тебя в жены возьмет? А на работу, кроме меня? Думаешь, в Германии только я интернетом пользоваться умею?..

Его монолог продолжается в таком же духе еще долго. Шестнадцать минут сорок четыре секунды, если точнее.

Через неделю я приеду в Берлин. Это уже решено. Я не

могу. Не могу жить за пределами автобусов, кинотеатров и номеров дешевых мотелей. Там ведь люди. Вспоминаю мистера Джейкобсона. «Рано или поздно жертва вновь становится жертвой». Вспоминаю Виктора. «Проиграв один раз, еще можно выиграть, но если проиграл дважды – это уже невозможно».

Я проиграла все.

Чтобы хоть как-то оттянуть приезд в Берлин, беру билеты до Барселоны, а дальше еду автобусом через всю Европу. Приезжаю в Берлин и первое, что делаю, становлюсь заложницей психопата.

Они были правы.

А самое главное: я знала, что так произойдет.

– Ты ведь понимаешь все? – спрашивает меня напоследок Микки, ведя меня в подвал места, которое они называют бункером. Я мотаю головой.

– Ты жива, пока жива Бонни, – миролюбиво поясняет он и поднимается по лестнице, мурлыча что-то, отдаленно напоминающее песню Джимми Моррисона.

Все. Конец. Где Harry end? Ваш фильм провалится в прокате.

5. Без шансов

Микки

Что я наделал, а? Я правда не понимаю. Просто мне не оставили выбора. Я должен был попытаться спасти Бонни. Этот отец Верены, он буквально из себя вывел. И жара, понимаете, жара на улице стояла дикая. В конце концов, теперь есть шанс. Если хочешь выиграть, нужно ставить на карту все...

В руках начинает вибрировать телефон.

– Как тебе удалось уговорить их на операцию? – спрашивает Ленц. Мутный тип, мой напарник по работе и возлюбленный Бонни.

– Радикальными мерами, – отвечаю я, глядя на дверь в подвал.

– В общем, ее отвезли в операционную. Ты приедешь?

– Нет. Может, позже, – говорю я.

В трубке уже звучат гудки. Беру ключи и выхожу на улицу. Черт, у меня в подвале живой человек заперт. Даже в качестве мысли эта фраза звучит коряво и нелепо. Нужно поехать на базу и написать заявление на отпуск. Потом понимаю, что лучше этого не делать. В новостях не сказали, кто ограбил банк, но полиция ведь должна искать психа.

Завожу машину и трогаюсь с места. Руки трясутся. Перед

глазами до сих пор безразличная физиономия этого врача. Матеуша Вибека. Это было всего несколько часов назад...

Бонни лежит в реанимации. Вся ее голова в каких-то трубках и датчиках. Все пищит и мигает. Она не шевелится. Внутри палаты меня не пускают. Тупо пялюсь в стекло и пытаюсь придумать, что делать дальше. В палате еще две кровати. На одной возвышается какая-то груда жира. Даже непонятно, какого пола этот пациент. На другой сидит парень лет тринадцати. Он очень смуглый и кучерявый. Скорее всего, из Индии, или Шри-Ланки там, Бангладеша. Откуда-то оттуда. Он в сознании и, похоже, чувствует себя совсем не так уж плохо, потому что в следующее мгновение парень тяжело слезает с кровати и идет к стеклу. Он открывает мне дверь с внутренней стороны, глядя мне прямо в глаза.

– Спасибо, – киваю я и собираюсь подбежать к кровати Бонни.

– Вообще-то я надеялся на более существенное спасибо, – картинно растягивает он слова. Капельница рядом с ним преграждает мне путь к Бонни. Я роюсь в карманах и достаю несколько смятых бумажек. Евро пятнадцать, наверное. Мальчишка, видимо, доволен добычей, потому что капельница отъезжает и я могу пройти к Бонни.

Ее лицо неестественного, желтоватого цвета. Она спит. Ресницы периодически подрагивают.

– Ты ей кто? – важно спрашивает парень.

– Я ей брат, – в тон ему отвечаю я.

– Это хорошо, что брат, – задумчиво отвечает он.

– Что, жениться собрался?

– Это вряд ли, – спокойно отвечает он. – У нее с собой сумка была. Она о ней все время говорила. Просила брату передать.

Я оглядываюсь на парня, стоящего теперь позади меня. Замечаю за стеклом какое-то движение. Сейчас меня увидит кто-нибудь из врачей и вышвырнет к чертовой матери. Под предлогом того, что здесь должно быть стерильно.

– А где сумка? – спрашиваю я. Мальчишка выглядит плохо. Получше Бонни, но сейчас видно, что он с трудом может ходить. Лицо такого же нездорового цвета. Несмотря на то, что он чуть полноват и должен выглядеть крепким, кажется, что если его пальцем толкнуть, он упадет.

– У врачей, наверное.

– Тебя как зовут? – спрашиваю я, замечая, как женщина лет сорока в форме врача подходит к стеклу и начинает гневно стучать по нему.

– Ифти, – отвечает он и протягивает руку.

– Микки, – осторожно пожимаю желтовато-коричневую ладонь. – Зачем тебе здесь деньги?

– Деньги везде нужны. Я с санитаром договорился. Он за десять евро согласен мне из «Макдональдса» еды принести.

– Не боишься, что тебе от бургеров хуже станет?

– Хуже не станет, недели через две меня вообще не станет, – вполне спокойно отвечает он.

– Пооптимистичнее, парень, – говорю я и невольно ко-
шусь на Бонни.

– Если операцию не сделают, мне... – Он красноречиво
проводит ребром ладони по шее. – А мне не сделают.

– С чего ты взял?

– У меня лишний вес, я азиат и недостаточно маленький
и хорошенький для того, чтобы мне перечислили деньги на
лечение, – с такой холодной рассудительностью могут гово-
рить только дети.

– То есть за еду ты готов умереть? Не слишком дорого? –
спрашиваю я.

– За хороший бургер жизни не жалко, – ухмыляется он.

Роюсь в карманах и нахожу еще одну бумажку.

– Следи за моей сестрой, понял? – говорю я. – Я могу на
тебя рассчитывать?

Ифти кивает и кладет деньги под матрас. Он смотрит на
кровать как на Голгофу, но все-таки залезает на нее.

– Молодой человек, немедленно покиньте палату, – раз-
дается усиленный микрофоном голос женщины за стеклом.
Она с тревогой наблюдает за мной и продолжает повторять
эту фразу. Женщина стоит слишком близко к микрофону.
Я могу слышать ее дыхание.

Поднимаюсь, касаюсь руки Бонни и иду на выход.

– Вы вообще понимаете, где находитесь? – шипит мне
женщина-врач. Я ее не слушаю. Тут в коридоре замечаю пар-
ня из числа бывших друзей Бонни. На стуле для посетителей

лежит его мотоциклетный шлем. Его руки в кожаных перчатках без пальцев сжимают стаканчик с кофе. Понимаете, да? Стаканчик с кофе!

– Пройдемте с нами, – говорит подошедший охранник и уже берет меня за локоть.

– Там моя сестра. Отведите меня к ее врачу, не тратьте время, – как можно быстрее говорю я.

– Родители приедут, разберутся, – бормочет тот, что постарше. Его одутловатое лицо и нависший над ремнем живот явно говорят о близости пенсии.

– У нее есть только я.

Воцарившаяся тишина напоминает минуту молчания. Я инстинктивно пытаюсь выдернуть руку из лап второго охранника.

В кабинете главного врача никого нет. Сажусь на стул и обхватываю голову руками. Так обычно делают, когда пытаются собрать расплзшиеся мысли обратно в голову. Не получается. Мыслей нет. Только работающий на полную катушку кондиционер навевает ассоциации с моргом.

– Добрый день, молодой человек, – говорит вошедший в кабинет мужчина лет пятидесяти. Седой, толстый, какой-то обрюзгший.

– Может, расскажете, что случилось с моей сестрой? – не выдерживаю я.

Он начинает сыпать медицинскими терминами, которые я не то что понять, даже загуглить не смогу. Из всего более или

менее понятные словосочетания: «критическое состояние», «требуется вмешательство».

– То есть ей нужна операция, да?

Вибек кивает. Воцаряется тишина.

– Молодой человек. Она попала в хорошую клинику, и здесь есть все необходимое для операции. Я узнал вашу ситуацию, и мог бы сделать все возможные скидки, но я не уверен... Не уверен, что это имеет смысл. Слишком сложная операция. Ваша страховка ее не покрывает.

– Стоп. Государство очень мило отобрало у меня сестру, сказав, что я не в состоянии о ней заботиться. По большому счету детский дом должен заплатить за операцию или кто там?.. – начинаю я приходить в себя.

– Вы не правы. Девушка сбежала из интерната. Об этом успели уведомить полицию, поэтому как раз интернат никакой ответственности за нее не несет. Тем не менее Бонни можно поставить в очередь на операцию. Здесь вы правы.

– Очередь?

– Да, – это слово он произнес как приговор. – Поэтому я и не понимаю, что сейчас делать.

– Операцию, – отвечаю я. Обычно в фильмах люди не соглашаются на операцию. Их нужно уговаривать, чтобы врачи попытались спасти их близких. Обычно врачи переживают за пациентов больше, чем родственники. Почему сейчас все не так? Одутловатое лицо доктора Вибека смотрит на меня своими немигающими глазками под стеклами очков.

– С моей стороны это будет неверное решение.

– Как... вообще все это возможно, а? – спрашиваю я, обращаясь неизвестно к кому.

– Молодой человек. Я врач и должен пытаться помочь каждому, кто оказывается в этой больнице, но иногда я должен принимать трудные решения. Пересадка требуется трем в той палате. Бонни сбежала из интерната для трудных подростков, разбилась на мотоцикле, а в ее крови обнаружили наркотики. Причем это уже не первый раз, когда их обнаруживают. Более того, из-за них у нее и отказала печень. Интернат отказался оплачивать операцию. Хотя обычно директора таких мест готовы сами на улице подаяние просить, только бы спасти своих подопечных. Их можно обязать оплатить операцию в судебном порядке. Рассказывать, на сколько это может растянуться, или не стоит? Вы можете пойти в банк через дорогу и попросить кредит. Мы с ними сотрудничаем, у них льготные налоги и тому подобное. Но какой шанс, что вам дадут кредит? Я вижу, что вы реально оцениваете свои возможности. Хорошо, если предположить, что я не заметил этого и подал прошение на донорский орган... Каков шанс, что операцию одобряют девушке-наркоманке из интерната для трудных подростков? Разбившейся на мотоцикле? С минимальными шансами на успешный исход? – Каждое произнесенное слово заколачивает гвоздь мне в мозг.

Из нас двоих умной и красивой всегда была Бонни. А я

был тем, кто должен защищать умную и красивую. Я просто должен кого-нибудь защищать, понимаете? Поднимаюсь со стула и направляюсь к двери. Эти три с половиной шага даются мне с большим трудом. Я как будто вспоминаю, как нужно правильно делать шаги. В голове шумит. Знаете, все звуки заслонила такой противный гул, какой обычно слышишь, если поднести к уху ракушку сдохлым моллюском внутри...

А потом я ограбил банк и взял в заложницы Верену Вибек. Что я натворил, а?

6. Бункер

Верена

Я хожу от стены к стене, периодически ударяясь плечом о бетон. Выглядит так, будто я хочу выломать перегородку. Я должна что-то сделать. Что-то придумать. Изменить. Исправить. В голове вспыхивают все виды глаголов и деепричастий. Формулировки законов и обрывки воспоминаний. Постепенно мои метания от стены к стене становятся более осмысленными. Я замечаю стопку каких-то бумаг, оказавшихся эскизами татуировок, иллюстрациями и портретами. Стены здесь разрисованы граффити. Кое-где рисунки выглядят даже симпатично, а где-то – совершенно безумно. Справа от входа готическими буквами выведена надпись: «И пусть мосты, которые я сжигаю, освещают мне путь». Прикольно. Интересно, что это значит? Я в том смысле, что имел в виду тот, кто это написал?

Кто-то тут очень любил рисовать. У этого кого-то был талант. Затем замечаю решетку вентиляции. Приварена. Зато хоть не задохнусь здесь. У стены лавка. Спать на ней невозможно. Деревянная. Шириной в одну доску.

Я сажусь на лавку и приваливаюсь к стене. На лицо капает вода. Я закрываю глаза и вспоминаю. Минута за минутой. Шаг за шагом. Почему я оказалась здесь?

Постепенно адреналин выжигает во мне все силы. Мысли уходят в свободное плавание, и я буквально выключаюсь. Снится солнечная Барселона. Просыпаюсь от грохота навверху. Чувствую, что все лицо и одежда промокли от капающей с потолка воды. Очень неприятное ощущение. Открываю глаза и с минуту пытаюсь вспомнить, где я нахожусь. Зажмуриваюсь. Иногда сознание не стоит того, чтобы в него приходить. Да и вообще, это еще большой вопрос, что считать реальностью. Во сне я гуляю по одному из пляжей Барселоны и ветер играет с моими волосами, а в реальности я сижу в чьем-то подвале и вряд ли мне удастся отсюда выбраться. Какой резон приходить в себя? Почему бы не заснуть и не проснуться? Я бы с радостью проспала эту часть своей жизни, я хочу туда, где happy end и титры. Там ведь обязательно должен быть счастливый конец, правда?

Поднимаю голову вверх и вижу, что люк чуть отодвинут. – Эй! Выпусти меня отсюда! – ору я. Пара глаз тут же исчезает и люк с грохотом возвращается на свое законное место. По крайней мере теперь ясно, что я здесь не одна. Он меня слышит, а значит можно попробовать достучаться до его человеческих чувств.

Начинаю кричать и стучать по трубам. Удары кулаком никакого эффекта не имеют. В углу с рисунками валяется кусок какой-то деревяшки. Начинаю стучать им. Тоже безрезультатно. Пытаюсь найти что-то металлическое. Рефлекторно похлопываю себя по карманам и в этот момент понимаю, что

на мне ремень с металлической пряжкой. Начинаю стучать им. Звук в бункере такой, что я сейчас оглохну. На мгновение кажется, что мои действия возымели эффект, но я ошиблась. Ничего. Тишина. Да чтоб он провалился! Если мне суждено отсюда выбраться, я отомщу. Обещаю отомстить. В этот момент взгляд натывается на надпись: «И пусть мосты, которые я сжигаю, освещают мне путь».

Пусть все мосты горят, пусть все горит. Черт!

Судя по виду, помещение действительно напоминает бункер. Бомбоубежище. Тут слабо мерцает лампочка ватт на 30. Почти все стены, кроме той, что с надписью, скрыты в полумраке. И все же эта лампочка позволяет более или менее ориентироваться в пространстве. Оно не прямоугольное, как мне показалось, когда я в панике шагала от стены к стене. Одна часть комнаты имеет выступ.

Приступаю к изучению выступа. Стучу по стене. Раздается глухой звук. Это гипсокартон. Даже по текстуре понятно. От удара по бетону никакого звука не было бы. Хватаю деревяшку и колочу ею по стене. Особенного эффекта не наблюдается. Ударяю снова. На сей раз успешнее. Провожу рукой по месту удара. Там явно ощущается вмятина. По моим представлениям, гипсокартонную перегородку можно пробить одним ударом. Ничего подобного. Боевики врут. Ну, или я не Брюс Уиллис.

В конце концов, деревяшка все-таки пробивает дыру в стене. Здесь уже проще. Руками разламываю перегородку.

Там небольшое продолжение закутка, заваленное строительным мусором. И на что я, собственно говоря, надеялась? Обнаружить здесь склеп маньяка?

В этот момент слышу какой-то шорох. Тут же оглядываюсь по сторонам. Черт! Ремень остался валяться где-то в другом углу, рядом с трубой. Если ударить пряжкой, можно вырубить человека. Сейчас у меня под рукой несчастная деревяшка.

О чем я вообще думаю? Кого я смогу вырубить деревяшкой? Я даже ударить не смогу. Убьют быстрее.

– Эй, – слышится голос Микки, – у тебя все в порядке?

– Издеваешься... – Я перелезаю через обломки перегородки и выхожу к нему. Он спустился сюда. Вид, полагаю, у меня устрашающий. Учítывая кусок деревяшки в руках и пыль с алебастром в волосах.

– Я еду принес, – будто оправдываясь, говорит он.

– Спасибо, – киваю я.

Знаете, это напомнило ситуацию, когда домашний, выхланный кот встречает жирную крысу. Еще неизвестно, кто из нас больше боится. И кто из нас крыса.

– Послушай, выпусти меня отсюда, я никому ничего не скажу, – совсем жалким тоном говорю я.

– Тогда от Бонни откажутся. Если ради нее нужно будет тебя убить, я это сделаю, – совсем другим голосом говорит он. – Прости.

– Даже не сомневаюсь, – бормочу я.

Наблюдаю за тем, как он поднимается по лестнице. Швыряю в удаляющуюся фигуру деревяшкой.

– Я отомщу, – кричу я.

– Даже не сомневаюсь, – в тон мне отвечает Микки.

Смотрю на пакет с едой, который он мне принес. Там хлеб, бутылка минералки и яблоки. Только сейчас понимаю, что дико хочу есть. С наслаждением откусываю от еще теплой булки и выпиваю почти всю минералку залпом.

Следующие сутки проходят в прежнем режиме. То есть ничего не происходит. Микки больше не спускается сюда.

Когда паника проходит, становится понятно, что попытка только началась. Нет ничего страшнее, чем остаться наедине со своими мыслями.

От нечего делать начинаю изучать сваленные в кучу рисунки. В основном это эскизы татуировок. Причем из них, наверное, на десяти из пятидесяти изображен феникс, объятый огнем. И эта фраза вязью: «И пусть мосты, которые кто-то там сжигает, что-нибудь освещают». Поскольку эта фраза вот уже неизвестно сколько времени мозолит мне глаза, я ее ненавижу. Поначалу она казалась интригующей, сейчас уже нет.

Бонни вряд ли поправится. Если его сестра попала в клинику моего отца, то он бы сделал все, чтобы отправить ее на операцию. После того разговора, я его, конечно, ненавижу, но врач он хороший. И человек тоже неплохой. Просто он отец, он должен устроить личное счастье дочери в соот-

ветствии с тем, что он подразумевает под этим словом. Если отец не хотел делать операцию Бонни, значит все безнадежно. А если не станет Бонни, то и меня не будет.

Крышка люка отъезжает. Звук металлического скрежета этого люка радует. Задираю голову и вижу Микки. Я хочу было начать умолять меня выпустить, но быстро понимаю всю бессмысленность подобных просьб. Весь он сейчас коктейль из нервов и адреналина. Можно было бы попытаться затеять драку и все-таки вылезти отсюда... но потом отгоняю эти мысли. У него наверняка при себе оружие. Да и убить ему ничего не стоит.

– Как... Бонни? – спрашиваю наконец я.

Микки продолжает смотреть на меня. Кажется, он даже не слышал вопроса.

– Жива, – глухо произносит он. Микки считает, что все должны переживать за его сестру.

– Я рада, – отвечаю я и пытаюсь разглядеть его лицо.

– Я больше, – отвечает он.

– Что больше? – не понимаю я.

– Больше рад, – поясняет он.

– Нельзя говорить «больше рад», – говорю я.

– Кто сказал?

– Что? Что нельзя так говорить? Грамматика.

– Слушай, ты говоришь это со дна подвала – ты не заметила, что я тут немного вольно трактую законы и правила? Особенно грамматики? – злится он и уже собирается задви-

нуть люк обратно, когда я в панике окликаю его.

– Что еще? – раздраженно спрашивает он.

– Книжки какие-нибудь хоть дай, тут невозможно находиться, – жалобно прошу я. Он медленно кивает.

– Только не «Пятьдесят оттенков серого», я тебя очень прошу, – уже вполне нормальным голосом добавляю я.

– Вот я сейчас не понял прикол, – отвечает он.

– Забей, – бормочу я.

Тут в меня летит какая-то маленькая книжка в мягком переплете. Она даже на книгу не тянет. Так, тоненькая брошюрка. Томас де Квинси. «Убийство как вид изящных искусств» – читаю на обложке.

– Издеваешься? – кричу я ему.

– Ага, – говорит он и задвигает дверь у меня над головой.

Когда он закрывает люк, здесь исчезают даже те три вшивых лучика солнечного света, что проникали сюда. Они дарили надежду. А сейчас я вновь остаюсь наедине со своими последними часами жизни. А, нет. Вру. Со мной еще Томас де Квинси. «Английский писатель, автор знаменитой „Исповеди англичанина, употребляющего опиум“», как гласит аннотация. Никогда не читала его знаменитую исповедь. Даже не слышала о ней.

Все читали про пять степеней умирания и тому подобные глупости? Я не читала, но слышала раз сто, не меньше. Отрицание, гнев, торги, депрессия и смирение – кажется, так. Глупости. За последние 48 часов я уже раз пять прошла все

эти стадии сзади наперед и спереди назад. Особенно прикольный коктейль из гнева, депрессии и желания курить. Дикого и непреодолимого.

Еще одна проблема возникает спустя трое суток после того, как крышка люка захлопнулась в первый раз. Линзы. Зеленые оттеночные линзы. Моя мантия-невидимка, благодаря которой я могу видеть этот мир более или менее отчетливо, а вот мои настоящие серые глаза не видит никто. Это все громко и пафосно, но их нужно снимать после двенадцати часов ношения. Сутки в них можно пробыть легко, а вот на вторые в глазах появляется сухость. Возникает постоянно ощущение соринки в глазу, которое потихоньку перерастает в ощущение бревна в черепе. Мир потихоньку теряет свои очертания. Глаза слезятся.

По крайней мере я знаю, что прошло больше двух суток. Во всем нужно искать положительные стороны. Рано или поздно они сами отвалятся. Правда, есть вероятность, что к этому моменту я ослепну.

Проходит еще несколько часов, и дверь люка вновь открывается. Вижу волосы Микки. Он уже пытается скинуть пакет с едой.

– Стой! – ору я что есть сил.

– Что такое? – недовольно спрашивает он.

– Выпусти... – В этот момент он уже хочет закрыть люк. – Подожди. Дослушай до конца. Пожалуйста. Дослушай. Здесь нет душа, воды, сигарет, света... Я знаю ведь, ты хороший.

Я вижу. Так вышло. Понимаю. Просто разреши мне подняться наверх, умыться хотя бы. Я ведь человек. Живой, настоящий человек... – Микки молча смотрит на меня. Минуту. Две. Три. Наконец он молча «выпускает» лестницу, и та с грохотом выезжает.

У меня дух захватывает от радости. Я жаловалась на жизнь в автобусе Барселона – Берлин? Правда? Ну так вот, счастье – это когда тебе разрешают умыться.

– Только ненадолго.

Поднимаюсь и вылезая из подвала. Вокруг слишком много света. Это довольно большая студия без минимального подобия ремонта. Все стены здесь раскрашены граффити. Прямо по бетону. В центре комнаты старый диван с протертой во всех местах обивкой. Кухня завалена коробками из-под пиццы. Такое ощущение, что это помещение оккупировали бездомные подростки.

– Все в порядке? – спрашивает Микки, подозрительно рассматривая меня.

– Нет, – я пытаюсь унять вновь подступившие слезы.

Микки делает неловкий шаг вперед, видимо, желая обнять меня. Я делаю два шага назад и начинаю озираться по сторонам.

– Давай душ покажу, – говорит наконец он. – Только попробуй заорать.

– Не поможет? – спрашиваю я.

– Не-а, тут соседей нет, – разводит он руками.

Ванна здесь представляет собой весьма удручающее зрелище. Здесь тоже повсюду граффити. Есть зеркало. На полке перед ним только один шампунь и ярко-зеленое глицериновое мыло. Ванна в желтых подтеках. Такое ощущение, что здесь не жил никто много лет и лишь недавно вновь поселились. В зеркале отражаются перепутанные волосы, испачканное копотью лицо и совершенно непотребного вида футболка. Ярко-красные слезящиеся глаза. Из-за резкого света глаза пронзает боль. Такое ощущение, что в них кислотой брызнули. Судорожно включаю кран, сую руки под воду и тут же лезу пальцами в глаза. Высушенные чуть ли не до состояния пластмассы линзы падают на раковину. Одна, затем вторая.

Если снимать их недостаточно вымытыми руками, на которых остались следы алебастра, побелки и черт знает еще чего, организм отреагирует вполне обоснованной вспышкой боли. Я сгибаюсь, присаживаюсь на бортик ванны и закрываю лицо руками. Нужно просто досчитать до десяти, и все пройдет. Как и любой человек, который носит линзы, я не раз и не два задерживала срок снятия линз. Смотрю на прилипшие к раковине ярко-зеленые кусочки пленки. До такого состояния я себя ни разу не доводила.

Глаза продолжают слезиться. Еще хуже то, что я теперь вообще ничего не вижу. Очень размытые очертания и то только на уровне вытянутой руки. Начинаю стягивать с себя одежду. Опасливо кошусь на дверь и проверяю, заперла ли

ее. Потом еще проверяю.

– Ты там застряла? – спрашивает Микки.

– Нет! – испуганно кричу я и посильнее поворачиваю кран с горячей водой.

Выхожу из душа. Микки сидит на диване. Перед ним включенный телевизор. Он оборачивается и недоверчиво смотрит на меня. Я осторожно прохожу через комнату и встаю возле окна. Вид не воодушевляет. То есть он мог бы и радовать, но не в сложившейся ситуации. За стеклом лишь стволы деревьев. Вернее, смутные их очертания. Представьте себе только что нарисованный пейзаж, а теперь проведите по нему рукой, старательно размазывая краски по холсту. Вот именно таким я теперь вижу мир.

Рядом со мной на подоконнике стоит клетка с хомяком. Жирное и довольное жизнью создание. Я осторожно сую мизинец в клетку. Хомяк тут же с интересом подбегает к мизинцу и начинает тщательно его изучать. Микки не протестует, хотя я чувствую, как он напряжен. По телевизору заканчивается выпуск новостей.

– Не понимаю... Меня совсем никто не ищет? – спрашиваю наконец я. Больше у телевизора, чем у Микки.

– Кто тебе сказал?

– По мне, так твои фотографии должны уже в каждом выпуске показывать, – честно отвечаю я и делаю глубокий вдох. Не нужно показывать людям то, как ты их боишься. Мы все все-таки от животных произошли. Если человек видит, что

его бояться, он начинает нападать.

– Про ограбление банка говорили, но моего лица никто не показывал, – говорит Микки.

– Я тебя отведу, – говорит он. Поднимается и идет к люку.

– Я никуда не пойду. – встаю с подоконника, убираю руки от хомяка и сжимаю их в кулаки. Упорно смотрю куда-то в плинтус, который теряется в белесом тумане отвратительного зрения. Никто не увидит мои настоящие глаза. Для меня это хуже изнасилования. – Думаешь, я не понимаю? Выживет Бонни или нет, ты все равно меня убьешь. Либо от злости, либо из страха, что я расскажу все полиции.

Ногти больно впились мне в кожу ладоней. Микки подходит ко мне и пытается заглянуть в глаза. Сейчас, наверное, кажется, что я слепая, потому что смотрю на несуществующий плинтус.

– Дыши. Просто дыши, – говорит он и подходит еще ближе.

Я делаю шаг назад, упираюсь в подоконник и продолжаю смотреть на плинтус.

– Я не буду сидеть в том подвале, лучше застрели меня сейчас... – У меня заканчивается весь запас воздуха и слов.

– Дыши, – слышу голос Микки. – Я отхожу, видишь? Все хорошо. Я не хочу тебе ничего плохого.

– Вижу, – сдаюсь я. Это звучало бы как сарказм, если бы тон не был таким жалким.

– Если ради того, чтобы спасти свою сестру, я должен буду

кого-то убить, я это сделаю. По-моему, это правильно.

– Нет. Я юриспруденцию в Штатах изучала, так вот это совсем не правильно. – Тон уже почти нормальный.

– Пожалуйста, слышишь? Пожалуйста, потерпи еще немного. Через пару дней все закончится. Я обещаю. Хорошо? – говорит он и выжидательно смотрит на меня.

Киваю.

В его руках начинает вибрировать телефон. Он смотрит на определившийся номер и поворачивается ко мне.

– Мне нужно пять минут. Ты ведь будешь вести себя хорошо? Верно?

Киваю и смотрю в плинтус. Я остаюсь одна. Как только дверь за Микки захлопывается, начинаю пытаться открыть окно. Вижу, что Микки стоит сейчас на углу дома, держит руку с телефоном у уха и с тревогой косится на окно. Бесполезно. Я беру со стола пачку и закуриваю. Поворачиваюсь к окну. Хомяк от всех этих громких звуков забился вглубь клетки. Он с явным осуждением отворачивается от меня. Микки возвращается минут через десять. Он ставит чайник и молча делает кофе. Подходит и ставит на подоконник чашку и тарелку с бутербродами. Тут же делает шаг назад и поднимает руки вверх.

– Видишь? Я не хочу тебе ничего плохого. Давай договоримся, если все будет хорошо – а так и будет, – я высажу тебя возле твоего дома, ты постучишься в дверь и обнимешь своего отца. Все расскажешь и фоторобот составишь. Ты хоть

знаешь, как я выгляжу? Для фоторобота?

– Не знаю, – бормочу я.

– Так подними глаза и посмотри, запомни, – говорит он и заглядывает мне в глаза.

– Ты в джинсах, странно... – невпопад говорю я.

– А в чем, по-твоему, я должен быть? – спрашивает он.

– Ты взял меня в заложники. Не знаю. В парандже? В костюме из латекса?

Он хмыкает.

– Давно ты с тем парнем встречаешься? – спрашивает вдруг он.

– Это мой жених, – говорю я. – Полгода.

– Как так вышло, если ты в Штатах училась? – хмурится он.

– Он ждал.

– Это странно. Вместе, это когда рядом. А так, я не понимаю.

– Он тоже учился, – оправдываюсь я.

– Ага, – саркастически соглашается Микки. – У меня тоже невеста есть, тоже вот жду.

– А в чем дело? – интересуюсь я.

– Она старше меня. Успешная, а я пока что никто, – сокрушается Микки.

– Давно вы знакомы?

– Да с детства ее знаю. Кайли Миноуг, хорошая певица, – разводит руками он.

– Когда свадьба? – спрашиваю я, не сразу поняв шутку.

– Думаю скоро, только она пока об этом не знает, – отвечает он.

– В заложники ее возьмешь? – улыбаюсь я и тут же понимаю, что опять сморозила глупость. Лучше молчать. Если ничего не говорить, твои слова не разозлят человека.

– Возможно, – соглашается он. Мы молчим какое-то время. Я сосредоточиваю все свое внимание на хомяке. – Расскажи мне о себе, Верена Вибек, – говорит он вдруг.

– Что именно?

– Да что угодно. Всегда интересовало то, как могло бы быть, если бы все было хорошо. Как живут счастливые люди? – спрашивает он и ищет что-то в телефоне.

– Я не знаю, – честно говорю я. Правда не знаю, как живут счастливые. Даже как живут, не знаю. Я жила полтора года назад, а потом превратилась в привидение. Я могу рассказать, как живут призраки. Они ездят в автобусах, наблюдают за тем, как живут другие люди, смотрят фильмы.

– Судя по соцсетям, ты перестала существовать полтора года назад, – заключает он, отрывая голову от телефона. – Ты ведь уверена, что я убью тебя, так? Ну, так исповедуйся, – говорит он.

– Ты не похож на священника, больше на палача, – отвечаю я.

– Ну, считай, что я на две ставки работаю.

Я пытаюсь задавать вопросы, но он упорно отшучивается

и задает вопросы мне. Я тоже пытаюсь как-то вывернуться, но, в конце концов, отвечаю на один вопрос, потом на второй, а потом просто рассказываю обо всем. Меня начинает подташнивать от звука своего голоса. Никогда столько не говорила. Вернее, разговаривала много, но когда-то давно. Например, когда защищала японского каннибала Иссэя Сагаву. На улице темнеет, но я продолжаю говорить. Замолкаю, делаю вдох, считаю до десяти и снова говорю. Это напоминает сеанс у хорошего психолога. Микки молчит и лишь изредка что-то уточняет. Обычно какие-то детали.

– Ты не хотела никогда отомстить? – глухо спрашивает он.

А почему, интересно, я до сих пор не покончила жизнь самоубийством? Это единственное, ради чего действительно стоит жить.

– Лучший способ отомстить – жить дальше. Я пыталась, но, как видишь, у меня не получилось, – отвечаю я.

– По сколько часов в день ты изучала странички в соцсетях? – спрашивает вдруг он, и я чувствую, как он улыбается.

– Не знаю.

– Ты разговариваешь чужими статусами, – поясняет он. Микки поднимается с дивана и идет к кофеварке. Наливает еще воды в прозрачный чайник, засыпает туда несколько ложек кофе и подвешивает на специальный крючок. Нажимает на кнопку, и машина начинает утробно гудеть. Параллельно набирает чей-то номер телефона.

– Ифти? Как там... Да? Нет... Черт! – последнее слово

он произносит очень агрессивно. Что-то не так. Он случайно задевает чашку на барной стойке, и та разбивается вдребезги. Он выключает телефон и отбрасывает его. Трубка летит через всю стойку и каким-то чудом удерживается на столешнице.

– Тебе пора! – шипит он и хватается меня за локоть.

– Нет... Пожалуйста, только не обратно в подвал! – успеваю я сказать, но он уже тащит меня вниз и с силой толкает с середины лестницы. Крышка люка снова захлопывается. Опять кажется, что навсегда.

Лечу с высоты метра в три. Больно ударяюсь плечом о бетон. Холодно и страшно. Я подползаю к одной из стен, обхватываю ноги руками и утыкаюсь лицом в колени. Поза эмбриона. Так и засыпаю.

Дни и ночи сливаются в единое полотно. Отсчет можно вести только по периодам открытия люка. Он как собаке кидает мне еду, а я как собака ей радуюсь. Вернее, как крот. Он ведь тоже живет под землей и ничего не видит. Так проходит дней десять.

Просыпаюсь от того, что кто-то спускается по лестнице. Моргаю, щурюсь, но все равно ничего не вижу. Наконец все-таки улавливаю тень, которая приближается ко мне. Микки подходит слишком близко. Я вижу в его руке пистолет.

– Бонни умерла, – говорит он глухим, безжизненным голосом.

Медленно поднимаюсь и пытаюсь дышать. Что делать, ес-

ли вы один на один с хищником? Вы не можете убить его, не можете убежать или спрятаться. Он пришел, чтобы убить меня. Вы знаете, я даже рада. Через пару минут все закончится. Единственное, о чем сожалею, – так и не смогла отомстить Джереми Флемми. Впрочем, может, я плохо разбираюсь в законах мировой справедливости? Как там говорится: рано или поздно жизнь поимеет всех.

Микки смотрит на меня. Чувствую этот взгляд. Он медленно отходит к стене и продолжает смотреть.

– Я не буду тебя убивать, – говорит он, как будто спорит с кем-то.

– Тогда выпусти меня! – выдыхаю я.

Он молчит и смотрит на меня из противоположного угла подвала.

– Не могу, – говорит он и смотрит на пистолет, как будто только сейчас обнаружил его у себя в руке.

* * *

И я сдаюсь.

Я засыпаю и просыпаюсь. С каждым разом чувствую себя все хуже. Вода капает с потолка. Пару раз люк открывается, и на дно подвала летят какие-то пакеты. Я не подползаю к ним. Это уже не важно. По-видимому, я подцепила воспаление легких. Мне все труднее дышать. Думаю о людях, о мире за стенами этого бункера. О том, что могла бы сказать всем,

кто обидел меня когда-то. По чьей вине я оказалась здесь. Виноваты абсолютно все. Весь мир и каждый в отдельности. Представляя встречу с отцом, мамой, Джереми, Виктором, Зои, Микки, мистером Джейкобсоном, да кем угодно, я начинаю задыхаться. Трудно дышать, шевелиться, открывать глаза. Постепенно, представляя все эти встречи, я начинаю говорить, что прощаю людей. Мне кажется, что в этот момент я начинаю умирать.

7. Побег

Микки

Я не мог ее убить. Понимаете? Когда я понял, что больше не слышу звуков из подвала, решил, что ее больше нет. Это кажется мне закономерным. Постепенно все, кто составляет часть моего мира, исчезают. Они предают меня. Что бы я ни делал. В конце концов должна остаться только моя мама. В ее уютном кресле в наркологической клинике, оплачивать которую по какой-то причине обязали меня.

Спускаюсь в подвал. Она еще дышит. Еще немного, и она бы перестала бороться. Я поднимаю ее сжавшееся в позу эмбриона тело и несу наверх. В моем мире появляются звуки. Последний живой человек в моем мире. По-настоящему живой. В какой-то момент начинает казаться, что это моя сестра. Что я должен попытаться ее спасти. Ведь не требуется ничего сверхъестественного. Я просто укрываю ее и начинаю пичкать всеми лекарствами из аптечки. А у меня очень много самых разных лекарств. У нее воспалились глаза. Я знаю, какие капли нужны. Эксперименты Бонни с препаратами научили меня всем хитростям, связанным с воспаленными глазами. Их нужно промывать чаем, закапывать специальным соляным раствором и антибиотиком. Каждый раз, когда я пытаюсь закапать ей глаза, она начинает отчаянно драться.

– Прости, но я знаю, что ты сейчас сделаешь, – говорю я и придавливаю ее к дивану, чтобы она не вырывалась, рискуя повредить себе что-нибудь. Одной рукой приходится отводить ее веко вверх, оголяя воспаленные белки глаз, другой закапывать. Она привычно брыкается. Вообще-то примерно так я собаке своей глаза закапывал. Ничего сложного.

День за днем, минута за минутой я пичкаю ее лекарствами, гуглю информацию и слежу за новостями, кормлю хомяка. Когда понимаю, что начинаю вырубаться, связываю наши с Вереной руки какой-то тряпкой и засыпаю. Она ни разу не пыталась сбежать, но ведь попытается. Я должен буду знать, когда это произойдет в первый раз. Все это отвлекает. Я не замечаю того, как в моем мире вновь появляются звуки, запахи, новости. Наконец я дожидаюсь того момента, когда нужно принимать какое-то решение. Это происходит, когда Верена уже почти выздоравливает.

– Прекрати привязывать меня на ночь, – говорит она, послушно выпивая горсть лекарств.

Как объяснить, что не могу? Рано или поздно она предаст. Попытается убежать. Исчезнуть. Я должен быть готов к этому. Каждый раз, когда я привязываю ее руку к своей, я знаю, что утром в моем мире будет еще один живой человек. Последний человек. И да, возможно, я немного повредился головой. Не отрицаю. Смотрю на нее и говорю:

– Могу купить наручники.

– С оторочкой из розового меха. А потом, как в плохой

комедии, мы потеряем ключи от них.

Я не могу воспринимать юмор. Осознаю, что это шутка, но не могу. Это раздражает.

– Ты считаешь, что я психопат?

Она осекается и молчит какое-то время.

– Я могу закричать, если кто-то неожиданно решит обнять меня, так что не мне судить, кто психопат, а кто нет.

– У меня для тебя подарок, – говорю я и достаю огромную коробку.

– Что за подарок? – по-детски интересуется она.

– Посмотри мне в глаза, пожалуйста, – прошу я.

Она всегда ведет себя как слепая. Смотрит куда-то в пространство перед собой и никогда не поднимает глаз. Она говорила, что не позволит никому видеть ее настоящие глаза. Лучше пусть насилуют. Я хочу стать ее последним человеком. Единственным, на кого она посмотрит. Не получается, но эта игра тоже отвлекает.

Отдаю ей коробку. Там сорок пар линз всех цветов радуги. Она хватает ее и тут же начинает распаковывать коробочку с цветной пленкой, плавающей на дне одной из баночек. Бежит в ванную и возвращается, сверкая лиловыми глазами. Такими ненастоящими, что это весело. Это напоминает то, как радовалась мама, купив что-нибудь из косметики, как радовалась Бонни новому набору красок...

Она изучает все эти баночки, в которых плавают ее новые «глаза». Я по привычке начинаю искать информацию по

ограблению банка.

– Что ты хочешь найти? – спрашивает она.

– Не знаю, – отвечаю я. – Но лучше ко всему быть готовым заранее.

Она отрывается от изучения фиолетовых линз и заглядывает через плечо. Замечает что-то и просит отмотать назад. Небольшая статья, которую предваряет фотография Матеуша Вибекса.

Человек, взявший в заложницы мою дочь, несколько раз выходил со мной на связь. Его требованием была операция одной из пациенток. Я счел необходимым исполнить требование. Девушка умерла через двенадцать дней после операции. У меня больше нет надежды на то, чтобы увидеть дочь живой...
(Матеуш Вибекс, www.tresh-tv.de)

– И что теперь? – спрашивает она.

– А ты как думаешь?

– Пристрелишь меня?

– Не надейся.

– Послушай, ну зачем я тебе нужна, а? – она задает этот вопрос искренне. То есть правда не понимает.

Слышу скрип тормозов. Ленц никак не может починить свою колымагу, поэтому она всегда дребезжит и разваливается на части прямо на ходу. Он, кстати, предельно аккуратен всегда и во всем, кроме собственной машины. Не знаю, зачем он сюда приехал. Сейчас. Смотрю на Верену.

– Нет! Нет, Микки, пожалуйста, пожалуйста, нет... – начинает умолять она. – Я не пойду в подвал!

Она так отчаянно умоляет, что я не могу позволить, чтобы это продолжалось. Подхожу и зажимаю ей рот рукой.

– Ты ведь будешь вести себя хорошо, так? – спрашиваю я. Она начинает усиленно кивать головой. Самое глупое, что можно спросить. С другой стороны, Ленц точно не попытается ее спасти, а сегодня мы отсюда уедем.

В дверь начинают настойчиво стучать. Открываю и вижу на пороге Ленца. Он тут же проходит в комнату и видит Верену.

– Это моя девушка, – говорю я, когда вижу, как Ленц и Верена стоят друг напротив друга.

– Ну да, – недоверчиво протягивает он. – На похоронах тебя из-за нее не было? Кстати, отличная футболка, Верена. У Бонни такая же была.

Я убить его сейчас готов. Меня там не было, потому что меня ищет полиция, а здесь я был нужен Верене, потому что... Да. Меня не было на похоронах.

Ленц одет во все черное. Выглядит как зомби после апокалипсиса. Он ведет себя здесь как дома. Это нервирует. Верена стоит возле окна и перебирает прутья клетки хомяка. Стою рядом с ней. Ленц ходит по бункеру и говорит о Бонни. Я не могу это слышать. Просто не могу. Он просит отдать часть рисунков Бонни на память. Спускаюсь в подвал, чтобы забрать оттуда несколько старых эскизов Бонни.

– Знаешь, я даже тебе завидую, – говорит он, когда уже собирается уходить.

– Чему конкретно? – спрашиваю я.

– Тебе все-таки легче. Я любил ее... По-настоящему, – он выразительно смотрит на Верену.

– Убирайся отсюда, – шиплю я.

Как вообще он смеет мне что-то говорить о ней? Я сделал все, чтобы спасти ее, а он только за ручку трогательно держал и к матери домой вечером уходил. Буквально выталкиваю Ленца на улицу и захлопываю дверь. Верена испуганно смотрит на меня. Вернее, куда-то в район моего плеча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.